

Р1
Б-24

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
— И ПОЭМЫ —

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

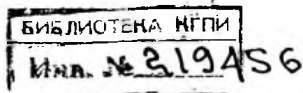

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Р1
Б-24

Е. А.
БАРАТЫНСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПОЭМЫ

МОСКВА • ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА • 1975

ПЕРЕИЗДАНИЕ

Составление, предисловие и примечания
К. В. ПИГАРЕВА

Рисунки
Ю. ИГНАТЬЕВА

Баратынский Е. А.

Б24 Стихотворения и поэмы. Сост., предисл. и прим.
К. В. Пигарева. Рис. Ю. Игнатьева. М., «Дет. лит.»,
1975.

128 с. с ил. (Школьная б-ка).

Книга избранных стихотворений одного из лучших русских поэтов. Стихи расположены в хронологическом порядке, таким образом читатель может проследить творческую эволюцию поэта. В книге даны две поэмы Баратынского — «Эда» и «Пирры», — наиболее характерные для его творчества.

Б 70803—630
М101(03)75 Без объявл.

P1

© Состав, предисловие, примечание, иллюстрации,
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1974 г.

О ПОЭЗИИ БАРАТЫНСКОГО

Необычайно строго и требовательно относившийся к собственным стихам, Баратынский очень точно определил основную сущность своего поэтического творчества. Он писал, что его музе чужды какие-либо внешние прикрасы и эффекты («изысканный убор», «игра глаз», «блестящий разговор»), но зато присуще «лица необщее выраженье». Эти слова превратились в широко распространенную поговорку, передающую вообще творческое своеобразие художника. В чем заключалось «лица необщее выраженье» применительно к поэзии самого Баратынского, прекрасно раскрыли в своих суждениях о нем Пушкин и Белинский.

Пожалуй, ни об одном из своих современников не отзывался Пушкин так неизменно восторженно, как о Баратынском. Он принадлежал, по мнению Пушкина, «к числу отличных наших поэтов», недостаточно оцененных читателями. Этим вызвано его категорическое заявление: «Пора Баратынскому занять на русском Парнасе место, давно ему принадлежащее». Оригинальность Баратынского Пушкин видел в том, что он «мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко». Именно это и упорочивает за ним право на признание не только у себя на родине, но и «везде», то есть за ее пределами.

В разные периоды своей критической деятельности Белинский по-разному оценивал значение поэзии Баратынского.

Многое в ее содержании не только было ему чуждо, но и вызвало с его стороны открытое противодействие. И тем не менее он отводил Баратынскому «первое место» среди русских поэтов, «появившихся вместе с Пушкиным». Не соглашаясь с Баратынским, великий критик не мог не испытывать к нему симпатии как к человеку, который, «сильно чувствуя, много думал». А потому почти каждое стихотворение Баратынского было порождено «необходимостью выразить скорбную мысль, навеянную на поэта созерцанием жизни».

Эти слова Беллинского находят подтверждение в признании самого поэта. Он говорил, что в стихах отразилась вся его жизнь —

Исполнена тоски глубокой,
Противоречий, слепоты,
И между тем любви высокой,
Любви добра и красоты.

«Князю Петру Андреевичу Вяземскому», 1834

Однако реальные факты биографии Баратынского не столь отчетливо различимы в его лирике: через личное, пережитое и передуманное им самим, он передает нечто большее — думы и чувства своего поколения. Индивидуальное, таким образом, приобретает в его творчестве силу обобщения.

По словам Баратынского, жизнь встретила его «непогодю мятежной». В ранней юности он сам навлек тучи на свою голову.

Евгений Абрамович Баратынский родился 19 февраля (2 марта) 1800 года в отцовском поместье Мара, Тамбовской губернии, Кирсановского уезда. В девятилетнем возрасте он лишился отца. Первоначальное воспитание Баратынский получил под руководством матери и «дядьки-итальянца» Жьячинто Боргезе. В конце 1812 года он поступил в одно из

учебных заведений для детей дворян — Пажеский корпус в Петербурге.

По воспоминаниям бывшего выпускника этого училища, «в Пажеском корпусе науки преподавались без системы, поверхностно, отрывочно»; «отсутствие надзора и непонимание к нравственной стороне питомцев» характеризовало отношение к ним учителей и воспитателей. Жертвой этой безнадзорности и беспорядочного чтения книг о разных разбойничьих приключениях оказался Баратынский. Он стал коповодом своих товарищей в их шалостях и проделках. Далеко не все эти проделки были безобидными, и за одну из них (соучастие в краже) весной 1816 года Баратынский и его приятель Дмитрий Ханыков были исключены из Пажеского корпуса без права поступления на какую-либо службу, кроме солдатской.

Это наказание, тем более тягостное для потерпевшего, что в глубине своего сознания он не мог не считать его заслуженным, было тяжелейшей душевной травмой, во многом определившей основные черты характера Баратынского. Но перенесенные испытания позволили ему живее почувствовать теплоту человеческого участия и узнать цену подлинной дружбы. В одном из ранних стихотворений, обращаясь к «беспечным и веселым шалунам», Баратынский говорит об этом:

Счастливы мытые, способны ль вы понять
Участья нежного сердечную услугу?
Способны ль чувствовать, как сладко поверять
Печаль души своей внимательному другу?
Способны ль чувствовать, как дорог верный друг?
Но кто постигнут роком гневным,
Чью душу тяготит мучительный недуг,
Тот дорожит врачом душевным.

«Комшину» («Поверь, мой милый друг...»), 1820

Особенное значение для Баратынского имела дружба с молодым поэтом А. А. Дельвигом. Баратынский познакомился

с ним в ту пору, когда поступил рядовым в лейб-гвардии егерский полк: военная служба, дававшая ему право со временем рассчитывать на офицерское звание, была для него единственным средством «обелить» себя в глазах общества.

Дельвинг нравственно поддержал Баратынского. Он одним из первых оценил его поэтическое дарование и, по собственным словам, «подружил» с музой. В 1819 году стихи Баратынского впервые появляются в печати. Тогда же завязываются приятельские отношения между Баратынским и двумя другими поэтами — А. С. Пушкиным и В. К. Кюхельбекером.

В январе 1820 года Баратынский был переведен в Нейшлотский пехотный полк, расквартированный в Финляндии. Самим поэтом и его друзьями — по-видимому, не без основания — этот перевод воспринимался как «изгнание». В самом деле, «выслужить» чин прапорщика можно было и в столице. Но обращает на себя внимание последовательность, с которой отклонялись царем в течение нескольких лет все ходатайства о производстве Баратынского в офицеры. Друзья поэта недоумевали и негодовали. «Долго ли будут у нас поступать с ребятами, как с взрослыми, а с взрослыми, как с ребятами? — писал П. А. Вяземский. — Как вечно наказывать того, который еще не достиг до законного возраста? Какое затмение, чтобы не сказать: какое варварство!»

Правда, в отличие от Пушкина, в том же 1820 году высланного из Петербурга в далекий Кишинев, Баратынский за время своей службы в Финляндии имел возможность неоднократно посещать столицу и непосредственно общаться с петербургскими литературными кругами.

Особенно сближается в эти годы Баратынский с будущими декабристами К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым. Свободолюбивые настроения, которым он был не чужд, казалось бы, роднили его с ними. И тем не менее декабристом Баратынский не стал. Эпиграмма на всеильного временщика Аракчева, осуждение царской политики царизма в эпиллоге к

поэме «Эда», бунтарская по своей тональности элегия «Буря» остаются исключениями в его творчестве. Неприятие российской действительности не вызывает у него стремления содействовать ее преобразованию, тем более революционному. Поэт не только избегает политических тем, но даже отстраняется от сатирического обличения. Он убежден в бесполезности сатиры: «кому не страшен суд», того не устыдишь и словом. Такая осторожность в значительной мере объясняется тем, что находившийся «на замечании» поэт старался как можно меньше обращать на себя внимание.

Более четырех лет пробыл Баратынский в Финляндии. Он считал этот край родиной своей поэзии. Там, среди суровой северной природы, созрел его талант. Не случайно элегией «Финляндия» Баратынский позднее дважды открывал собрания своих стихотворений (издания 1827 и 1835 годов).

В творчестве Баратынского первой половины 20-х годов видное место занимают элегии. У поэтов-романтиков элегический жанр получил очень широкое распространение. Каждый, подобно пушкинскому Ленскому, «пел поблеклый жизни цвет без малого в осьмнадцать лет». Баратынский и сам подшучивал над поэтами, у которых «унынием оделось чело, душа увянула и сердце отцвело». И все же он отдал щедрую дань этому модному в русской романтической поэзии жанру, ибо из всех стихотворных форм элегия наиболее отвечала задаче раскрытия внутреннего мира поэта.

Нередко элегическое настроение пробивалось в стихах Баратынского даже и там, где ему словно бы не было места. Так, в жизнепразднственной по своему общему тону поэме «Пиры» Белинский подметил «шутку в начале и элегию в конце».

Баратынскому — быть может, под влиянием пережитого — всегда были недоступны полнота и непосредственность восприятия светлых сторон жизни. Если он испытывает счастливые минуты, то тут же одергивает себя мыслью, что они выпали ему по ошибке; если он садится вместе с товарищами «за чашу круговую», то разделлет их веселье «безрадостно».

Унынием, разуверением, безнадежностью, разочарованностью, бесстрашием настойчиво заглушаются в лирике Баратынского финляндского периода иные чувства — столь естественные порывы к житейским радостям, желание счастья, стремление вырваться из состояния «раболепного покоя», жажда «бурь». Всякое душевное движение подвергается в сознании поэта иссушающему анализу рассудка, сквозь настоящее он провидит будущее.

Русская любовная лирика, пожалуй, не знает других стихов, где бы так беспощадно разоблачались тайные изгибы человеческой души, как это сделано в элегии Баратынского «Признание». В ней раскрывается не страсть, не глубина привязанности, но «хлад печальный», безжизненность отлюбившего сердца. Для молодого человека в двадцать три года поразительны такая рассудочность, трезвость взгляда на жизнь, на самого себя, такой обдуманый отказ от всяких иллюзий и мечтаний. Не по летам зрелым жизненным опытом продиктованы заключительные строки этой элегии:

Не властны мы в самих себе

И, в молодые наши леты,

Даем поспешные обеты,

Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

Читая элегии Баратынского, различаешь в них порою ту «преждевременную старость души», которую Пушкин считал одной из «отличительных черт молодежи 19-го века».

Анализ чувства в его развитии и противоречивости — вот то новое, что было внесено Баратынским в элегическую поэзию и что прокладывало пути психологической лирике.

Ту же задачу решал Баратынский в поэме «Эда». Содержание его «финляндской повести» драматично при всей своей обыденности. Но поэт сознательно отказывался от «необыкновенности» и занимательности сюжета. Его привлекало другое: возможность проследить развитие и внутреннюю борьбу

чувств своих героев. В «обыкновенности» сюжета заключалось своеобразие поэмы Баратынского, в то время понятое лишь наиболее проникательными ценителями.

Наряду с традиционными, но не традиционно разрабатываемыми эгегическими темами и мотивами в творчестве финляндской поры Баратынским намечаются многие темы и мотивы, которые составят основное содержание его позднейшей философской лирики. Таковы «вечные» вопросы — человек и время, человек и смерть, человек и поиски истины. К ним неоднократно будет обращаться поэт.

Весной 1825 года Баратынский был наконец произведен в офицеры. Тем самым устранялись роковые для него последствия «корпусной истории». Отныне, по собственным словам, он мог считать себя возвращенным «обществу, семейству, жизни». Он получал теперь возможность сам располагать своей судьбой.

Баратынский выходит в отставку и поселяется в Москве. Здесь в течение трех лет подряд (1826—1828) выходят в свет отдельными изданиями его поэмы «Пир» и «Эда», сборник стихотворений и поэма «Бал». Ими как бы подводится черта под финляндским периодом его творчества.

Личная жизнь Баратынского складывается вполне благополучно. Он женится и становится счастливым семьянином, удовлетворенным тем, что «променял беспокойные сны страстей на тихий сон тихого счастья». Однако новый, московский период поэтической деятельности Баратынского приносил ему немало горьких разочарований. Он не находит здесь для себя благоприятной литературной среды и постепенно утрачивает ранее приобретенную популярность. Пушкин объяснял это тем, что Баратынский в своем творческом развитии опережал читателя, ибо действительно русский читатель того времени еще не созрел для поэзии мысли. Этим объясняется поздняя слава таких поэтов, как Баратынский и Тютчев.

С годами Баратынский все острее и острее ощущает трагический разрыв со своим временем. Не будучи декабристом,

он тем не менее осознавал свою кровную связь с поколением, чья жизненная судьба определилась в исторический день 14 декабря 1825 года. Русская действительность тридцатых годов убеждает Баратынского в том, что Россия для него «необитаема». Одни за другим ушли и те, чьим неизменным сочувствием и поддержкой он пользовался как поэт, — Дельвиг и Пушкин.

То, над чем задумывался Баратынский еще в Финляндии, теперь неотступно преследует его поэтическое воображение. Все те же вечные загадки бытия, судьбы мира и судьбы отдельной личности тревожат поэта.

Над всем тяготеет «одни закон, закон уничтоженья», и нужно с этим примириться как с чем-то неизбежным. «Страсти и мечты» составляют основное условие человеческого существования. Никакие поиски тихой пристани среди «бурь бытия» ни к чему не приводят, ибо «жизнь для волненья дана: жизнь и волненье одно». Радости жизни не должны омрачаться мыслью о неотвратимом конце («Финляндия», «Череп», «Мудрецу»). Смерть лишается под пером Баратынского того устрашающего облика, каким наделило ее искусство средневековья, и выступает хранительницей мирового равновесия. Гений может «безмятежно» покинуть земное поприще, сознавая, что жизненный подвиг им совершен («Смерть», «На смерть Гете»).

Раздумывая о будущем человечества, поэт изображает захватывающую по своему размаху картину технических достижений — от воздухоплавания до искусственного регулирования погоды. Однако «разума великолепный пир» несомненным в представлении Баратынского с развитием чисто духовных сторон культуры. Вместо естественного и гармонического взаимодействия между ними научно-технический прогресс и духовный расцвет становятся тормозом один для другого, что ведет к физическому вырождению человечества и прекращению жизни на земле («Последняя смерть»).

Убежденный в непримиримости разума и чувства, Бара-

тынский скорбит об утрате человечеством интуитивного познания природы. В народных приметах он усматривает результат основанного на непосредственном чувстве и проверенного на практике многовекового опыта («Приметы»). Предвзвездок осмыслиется поэтом не как признак невежественного суевения, а как отголосок «давней правды», значение которой утеряно для новых поколений («Предвзвездок! он обломок...»).

Судьба отдельной личности, спешающей неутомимой работой мысли, с наибольшей силой и глубиной раскрывается в стихотворении Баратынского «Осень». Его можно назвать философской думой и в то же время лирической исповедью самого поэта. Сентябрьскому пейзажу, показанному во всей его живописной конкретности, роскошной картине урожая, которым природа платит земледельцу за его труд, противопоставляется «осень дней» человека, переживающего крушение всех своих надежд и мечтаний. В скорбных строфах «Осени» поэт как бы подводит горький итог своему тернистому пути по «житейским браздам» в годы общественного безвременья тридцатых годов.

Программный для Баратынского характер носит стихотворение «Последний поэт». Этим стихотворением открывается последний сборник Баратынского, озаглавленный им «Сумерки» (1842). В «Последнем поэте» отчасти развиваются мысли, ранее высказанные в «Последней смерти». «Свет просвещения» губителен для поэтической фантазии с ее культом «любви и красоты», так как ведет к неограниченному засилью «промышленных забот», к господству корысти и расчета. Баратынский нашел меткие слова, чтобы охарактеризовать оборотную сторону технического прогресса, но он ошибочно воспринимал его как конечную стадию развития человечества. Это определило пессимистичность его взгляда на исторический процесс, его неверие в будущее.

В стихотворении «Последний поэт» предвещается неминуемая гибель поэзии. Проблема «поэт и время» получает

трагическое разрешение: в «железный» век поэт становится ненужным и непонятым.

Помещенное в начале сборника «Сумерки» стихотворение «Последний поэт» приобретало значение своеобразного пролога ко всему сборнику. А в качестве эпилога напечатано было стихотворение «Рифма». В нем вместо поэта, воспевающего «благодать страстей», выведен образ поэта-оратора, поэта-трибуна. Этот образ дан в исторической обстановке Древней Греции и Древнего Рима как утраченный идеал, недоступный современному миру.

Тема прощания поэта с поэзией неоднократно по разным поводам возникала в творчестве Баратынского, и не раз в своей жизни он отходил от стихов, посвящая себя иным заботам и хлопотам (семейным и помещичьим). Но поэтические замыслы никогда не оставляли его...

Осенью 1843 года Баратынский отправился в заграничное путешествие. Зимние месяцы поэт провел в Париже. Здесь он общался с видными французскими литераторами и с кружком русских эмигрантов, в который входили декабрист Н. И. Тургенев, друг и соратник А. И. Герцена Н. П. Огарев и другие. Встречи с прогрессивно настроенными соотечественниками нравственно освежили Баратынского, пробудили в нем веру в будущее России. По словам одного из них, поэт «жаждал дел» и «имел много планов». Весной следующего года Баратынский переехал в Италию. Ликующие строфы стихотворения «Пироскаф», своим жизнерадостным тоном столь отличавшиеся от всего написанного им ранее, как бы предвещали начало нового этапа его творчества. Развитию этого нового этапа воспрепятствовала скоростная смерть поэта; он умер в Неаполе 29 июня (11 июля) 1844 г.

К. Пигарев

СТИХОТВОРЕНИЯ

Баратынский обычно не датировал своих стихотворений, что создает определенные трудности при их расположении в хронологическом порядке.

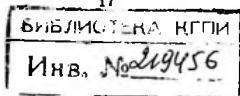
В тех случаях, когда дата заключена в угловые скобки, это означает, что стихотворение написано не позднее указанного года.

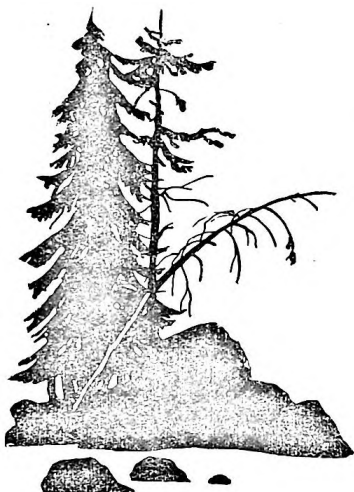
ФИНЛЯНДИЯ

В свои расселины вы приняли певца,
Граниты финские, граниты вековые,
Земли ледяного венца
Богатыри сторожевые.
Он с лирой между вас. Поклон его, поклон
Громадам, миру современным;
Подобно им, да будет он
Во все години неизменным!

Как все вокруг меня пленяет чудно взор!
Там необъятыми подами
Слилось море с небесами;
Тут с каменной горы к нему дремучий бор
Сошел тяжелыми стопами,
Сошел — и смотрится в зеркале *¹ гладких вод!
Уж поздно, день погас; но ясен неба свод,
На скалы финские без мрака ночь спешит,
И только что себе в убор
Алмазных звезд ненужный хор
На небосклон она выводит!
Так вот отечество Одиновых детей *,
Грозы пародов отдаленных!
Так это колыбель их беспокойных дней,
Разбоям громким посвященных!
Умолк призывный щит, не слышен скальда * глас,
Воспламщенный дуб угас,
Развевал буйный ветр торжественные клики;
Сыны не ведают о подвигах отцов,
И в дольном прахе их богов
Лежат низверженные лики!

¹ Слова, помеченные звездочкой, объяснены в «Примечаниях».

И всё вокруг меня в глубокой тишине!
О вы, носившие от берега к берегу бон,
Куда вы скрылись, полночные герои?
Ваш след исчез в родной стране.
Вы ль, на скалы се вперив скорбящи очи,
Плывете в облаках туманною толпой?
Вы ль? дайте мне ответ, услышите голос мой,
Зовущий к вам среди молчанья ночи.
Сыны могучие сих грозных, вечных скал!
Как отделились вы от каменной отчизны?
Зачем печальны вы? зачем я прочитал
На лицах сумрачных улыбку укоризны?
И вы сокрылись в обители теней!

И ваши имена не пощадило время!
 Что ж наши подвиги, что слава наших дней,
 Что наше ветреное племя?
 О, всё своей чредой исчезнет в бездне лет!
 Для всех один закон, закон уничтоженья,
 Во всем мне слышится таинственный привет
 Обетованного забвенья!
 Но я, в неизвестности, для жизни жизнь любя,
 Я, беззаботливый душою,
 Вострепещу ль перед судьбою?
 Не вечный для времен, я вечен для себя:
 Не одному ль воображенью
 Гроза их что-то говорит?
 Мгновенье мне принадлежит,
 Как я принадлежу мгновенью!
 Что нужды до былых иль будущих племен?
 Я не для них бренчу незвонкими струнами;
 Я, певчимасмый, довольно награжден
 За звуки звуками, а за мечты мечтами.

1820

РОПОТ

Он близок, близок день свиданья,
 Тебя, мой друг, увижу я!
 Скажи: восторгом ожидаю
 Что ж не трепещет грудь моя?
 Не мне роптать; по дни печали,
 Быть может, поздно миновали:
 С тоской на радость я гляжу,—
 Не для меня ее сиянье,
 И я напрасно упованье
 В больной душе моей бужу.
 Судьбы ласкающей улыбкой
 Я наслаждаюсь не вполне:
 Все мнится, счастлив я ошибкой,
 И не к лицу веселье мне.

<1820>.

РАЗЛУКА

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я все имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

<1820>

К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Прости, Поэт! Судьбина вновь
Мне посох странника вручила;
Но к музам чистая любовь
Уж нас навек соединила!

Прости! Бог весть когда опять,
Желанный друг в гостях у друга,
Я счастье буду воспевать
И негу праздного досуга!

О милый мой! все в дар тебе —
И грусть, и сладость упованья!
Молись невидимой судьбе:
Она приблизит час свиданья.

И я, с пустынных финских гор,
В отчизне бранного Одена *,
К ней возведу молящий взор,
Унав смиренно на колена.

Строга ль богиня будет к нам,
Пошлет ли весть соединенья? —
Пуškai пред ней сольются там
Друзей согласные моленья!

18 января 1820

КОШИНУ

Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам;
Не испытав его, нельзя понять и счастья:
Живой источник сладострастья
Дарован в нем его сынам.
Одни ли радости отрадны и прелестны?
Одно ль веселье веселит?
Бездейственность души счастливых тяготит;
Им силы жизни неизвестны.
Не нам завидовать ленивым чувствам их:
Что в дружбе ветреной, в любви однообразной
И в ощущениях слепых
Души рассеянной и праздной?
Счастливы мнимые, способны ль вы понять
Участья нежного сердечную услугу?
Способны ль чувствовать, как сладко поверять
Печаль души своей внимательному другу?
Способны ль чувствовать, как дорог верный друг?
Но кто постигнут роком гневным,
Чью душу тяготит мучительный недуг,
Тот дорожит врачом душевным.
Что, что дает любовь веселым шалунам?
Забаву легкую, минутное забвенье;
В ней благо лучшее дано богами нам
И нужд живейших утоленье!
Как будет сладко, милый мой,
Поверить нежности чувствительной подруги,
Скажу ль? Все раны, все недуги,
Всё расслабление души твоей больно;
Забыв и свет, и рок суровый,
Желанья смутные в одно желанье слить
И на устах ее, в ее дыханье пить
Целебный воздух жизни новой!
Хвала всевидящим богам!
Пусть мнимым счастьем для света мы убоги,
Счастливы нас бедней, и праведные боги
Им дали чувственность, а чувство дали нам.

1820

ОТЪЕЗД

Прощай, отчизна непогоды,
Печальная страна,
Где, дочь любимая природы,
Безжизненна весна;
Где солнце нехотя сияет,
Где сосен вечный шум,
И моря рев, и все литает
Безумье мрачных дум;
Где, отлученный от отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогал без укоризны
Изгнанник молодой;
Где, позабыт молвой гремучей,
Но все душой питт,
Своею Музою летучей
Он не был позабыт!
Теперь, для сладкого свиданья,
Спешу к стране родной;
В воображеньи край изгнанья
Последует за мной:
И камней мшистые громады,
И вид полей нагих,
И вековые водопады,
И шум угрюмый их!
Я вспомню с тайным сладострастьем
Пустынную страну,
Где я в размоливке с тихим счастьем
Провел мою весну,
Но где порою, житель пеба,
Наперекор судьбе,
Не изменил питомец Феба
Ни музам, ни себе.

УНЫНИЕ

Рассеивает грусть лиров веселый шум.
Вчера, за чашей круговую,
Средь братьев полковых, в пей утопив мой ум,
Хотел воскреснуть я душою.

Туман полуночный на холмы возлегал;
Шатры над озером дремали,
Лишь мы не знали сна — и пенный бокал
С весельем буйным осушали.

Но что же? вне себя я тщетно жить хотел:
Вино и Вакха * мы хвалили,
Но и безрадостно с друзьями радость пел:
Восторги их мне чужды были.

Того не приобрести, что сердцем не дано.
Рок злобный к нам ревниво злобен,
Одну печаль свою, уныние одно
Унылый чувствовать способен.

<1821>

РОДИНА

Я возвращуся к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!
Я возвращуся к вам, домашние иконы!
Пускай другие чтут приличия законы;
Пускай другие чтут ревнивый суд повсюду;
Свободный наконец от суетных надежд,
От беспокойных снов, от ветреных желаний,
Иснив безвременно всю чашу испытаний,
Не призрак счастья, но счастье нужно мне.
Усталый труженик, спешу к родной стране
Заснуть желанным сном под кровлею родимой,
О дом отеческий! о край, всегда любимый!
Родные небеса! невзвучный голос мой
В стихах задумчивых вас пел в стране чужой,
Вы мне повеете спокойствием и счастьем.

Как в пристани пловец, испытанный непастьем,
С улыбкой слушает, над бездною воссев,
И бури грозный свист, и волн мятежный рев,
Так, небо не моля о почестях и злате,
Спокойный домосед в моей безвестной хате,
Укрывшись от толпы взыскательных судей,
В кругу друзей своих, в кругу семьи своей,
Я буду издали глядеть на бури света.
Нет, нет, не отменю священного обета!
Пускай летит к шатрам бестрепетный герой;
Пускай кровавых битв любовник молодой
С волненьем учится, губя часы златые,
Науке измерять окопы боевые:
Я с детства полюбил сладчайшие труды.
Прилежный, мирный плуг, взрывающий бразды,
Почтнее меча; полезный в скромной доле,
Хочу возделывать отеческое поле.
Оратай *, ветхих дней достигший над сохой,
В заботах сладостных наставник будет мой;
Мне дряхлого отца сыны трудолюбивы
Помогут утучнять наследственные нивы.
А ты, мой старейший друг, мой верный добродетель,
Усердный пестун * мой, ты, первый огород
На отческих полях разведший в дни былые!
Ты поведешь меня в сады свои густые,
Деревьев и цветов расскажешь имена;
Я сам, когда с небес роскошная весна
Повеет пегою воскреснувшей природе,
С тяжелым заступом явлюсь в огороде;
Приду с тобой садить коренья и цветы.
О подвиг благостный! не тщетен будешь ты:
Богиня нажитой * признательней фортуны!
Для них безвестный век, для них свирель и струны;
Они доступны всем и мне за легкий труд
Плодами сочными обильно воздадут.
От гряд и заступа спешу к полям и плугу;
А там, где ручеек по бархатному лугу
Катит задумчиво пустынные струи,
В весенний ленивый день я сам, друзья мои,
У берега насажу лесок уединенный,
И липу свежую, и тополь осребренный;

В тени их отдохнет мой правнук молодой;
Там дружба некогда сокроет пепел мой
И вместо мрамора положит на гробницу
И мирный заступ мой, и мирную ценицу *.

<1821>

ЭЛЕГИЯ

Нет, не бывать тому, что было прежде!
Что в счастье мне? Мертва душа моя!
«Падейся, друг!» — сказали мне друзья.
Не поздно ли вверяться мне надежде,
Когда желать почти не в силах я?
Я бременюсь нескромным их участием,
И с каждым днем я верой к ним бедней.
Что в пустоте несвязных их речей?
Давным-давно простился я со счастьем,
Желательным слепой душе моей!
Лишь вслед ему с унылым сладострастьем
Гляжу я вдоль моих минувших дней.
Так нежный друг, в бесчувственном забвенье,
Еще глядит на зыби синих волн,
На влажный путь, где в темном отдаленье
Давно исчез отбывший дружный челн.

<1821>

РАЗУВЕРЕНИЕ

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сповидам!
Слепой тоски моей не мпожь,
Не заводи о прежнем слова
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!

Я сплю, мне сладко усыпление;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волнение,
А не любовь пробудишь ты.

<1821>

ДОБРЫЙ СОВЕТ

(К Коншину *)

Живи смелей, товарищ мой,
Разнообразь досуг шутливый!
Люби, мечтай, пируй и пой,
Пренебреги моливы болтливой
И порицаем и хвалой!
О, как безумна жажда славы!
Равно исчезнут в бездне лет
И годы шумные побед,
И миг незнаемый забавы!
Всех смертных ждет судьба одна:
Всех чередом поглотит Лета *,
И философа-болтуна,
И длинноусого корнета,
И в молдаванке * шалуна,
И в рубище анахорета *.
Познай же цену срочных дней,
Лови пролетное мгновенье!
Исчезнет жизни сновиденье:
Кто был счастливеей, был умней.
Будь дружен с музою моею,
Оставим мудрость мудрецам;
На что чиниться с жизнью нам,
Когда шутить мы можем с нею?

<1821>

РИМ

Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель,
Ты был ли, о свободный Рим?
К немym развалинам твоим
Подходит с грустною их чуждой навеститель.

За что утратил ты величье прежних дней?
За что, державный Рим, тебя забыли боги?
Град пышный, где твои чертоги?
Где сильные твои, о родина мужей?

Тебе ли изменил победы мощный гений?
Ты ль на распутии времен
Стоишь в позорище племен,
Как пышный саркофаг погибших поколений?

Кому еще грозил с твоих семи холмов?
Судьбы ли всех держав ты грозный возвеститель?
Или, как призрак-обвинитель,
Печальный предстоишь очам твоих сынов?

<1821>

ВОДОПАД

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзвном долины.

Я слышу: свищет аквилон *,
Качает елку скрипучей,
И с непогодю ревучей
Твой рев мятежный соглашен.

Зачем с безумным ожиданьем
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный, стою
Над дымною бездною твоею

И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзвуком долины!
<1821>

ДЕЛЬВИГУ

Дай руку мне, товарищ добрый мой,
Путем одним пойдем до двери гроба,
И тщето нам за грозною бедой
Беду грозней пошлет судьбины злоба.
Ты помнишь ли, в какой печальный срок
Впервые ты узнал мой уголок?
Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный сил?
Я погибал, — ты дух мой оживил
Надеждою возвышенной и новой.
Ты ввел меня в семейство добрых муз;
Деля досуг меж ими и тобою,
Я ль чувствовал ее свинцовый груз
И перед ней унизился душою?
Ты сам порой глубокую печаль
В душе носил, но что? не мне ли вверить
Спешил ее? И дружба не всегда ль
Хоть несколько могла ее умерить?
Забывшие фортуною слепой,
Мы ей назло друг в друге все имели
И, дружества твердя обет * святой,
Бестрепетно в глаза судьбе глядели.

О! верь мне в том: чем жребий ни грозит,
Упорствуя в старинной неприязни,
Душа моя не бедает боязни,
Души моей ничто не изменит!
Так, милый друг! позволят ли мне боги
Ярмо забот сложить когда-нибудь
И пессело на светлый мир взглянуть,
По-прежнему ль ко мне пребудут строги,

Всегда я твой. Судьей души моей
Ты должен быть и в вѣдро и в ненастье,
Удвоишь ты моих счастливых дней
Неполное без разделенья счастье;
В дни бедствия я знаю, где найти
Участие в судьбе своей тяжелой;
Чего ж робеть на жизненном пути?
Иду вперед с надеждою веселой.
Еще позволь желание одно
Мне произнестъ: молюся я судьбине,
Чтоб для тебя я стал хотя отныне,
Чем для меня ты стал уже давно.

Конец 1821(?)

ПОЦЕЛУЙ

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображенье:
И в шуме днѣ, и в тишинѣ почпой
Я чувствую его папечатленье!
Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой —
Мне спишешься ты, мне спитесь наслажденье!
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

<1822>

ДОГАДКА

Любви приметы
Я не забыл,
Я ей служил
В былые лѣты!
В ней говорит
И жар ланит,
И вздох случайный...
О! я знаком
С сим лзыком
Любови тайпой!
В душе твоей

Уж нет покоя;
Давным-давно я
Читаю в ней.
Любви приметы
Я не забыл,
Я ей служил
В былые леты!

<1822>

ЭПИЛОГ

Чувствительны мне дружеские пени *,
Но искренне забыл я Геликон *
И признаюсь: неприхотливой лени
Мне правится приманчивый закон;
Охота петь уж не владеет мною,
Она прошла, погасла, как любовь.
Опять любить, играть струнами вновь
Желал бы я, но утомлен душою.
Иль жить нельзя отрадою иною?
С бездействием любезен мне союз;
Делеемый счастливым усыплением,
Я не хочу притворным испуганием
Обманывать ни юных дев, ни муз.

<1823>

РАЗМОЛВКА

Мне о любви твердила ты шутя
И холодно сознаться можешь в этом,
Я исцелен; нет, нет, я не дитя!
Прости, я сам теперь знаком со светом.
Кого жалеть? печальней доля чья?
Кто отягчен утратою прямою?
Легко решить: любимым не был я;
Ты, может быть, была любима мною.

<1823>

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Желанье счастья в меня вдохнули боги;
Я требовал его от неба и земли
И вслед за призраком, маящим издали,
Жизнь перешел до полдороги,
Но прихотям судьбы я боле не служу:
Счастливый отдыхом, на счастье похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу —
И скромно кланяюсь прохожим.

<1823>

ИСТИНА

О счастье с младенчества тоскую,
Все счастьем беден я,
Или вовек его не обрету я
В пустыне бытия?

Младые сны от сердца отлетели,
Не узнаю я свет;
Надежд своих лишен я прежней цели,
А новой цели нет.

Безумен ты и все твои желанья —
Мне первый опыт рек;
И лучшие мечты моей созданья
Отвергнул я навек.

Но для чего души разуверенье
Свершилось не вполне?
Зачем же в пей слепое сожаленье
Живет о старине?

Так некогда обдумывал с роптаньем
Я дольний * жребий свой,
Вдруг Истину (то не было мечтаньем)
Узрел перед собой.

«Светильник мой укажет путь ко счастью! —
Вещала. — Захочу —
И, страстного, отрадному бесстрастью
Тебя я научу.

Пускай со мной ты сердца жар погубишь,
Пускай, узнав людей,
Ты, может быть, испуганный, разлюбишь
И близких и друзей.

Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой».

Я трепетал, словам ее внимая,
И горестно в ответ
Промолвил ей: «О гостя роковая!
Печален твой привет.

Светильник твой — светильник погребальный
Всех радостей земных!
Твой мир, увы! могилы мир печальный
И страшен для живых.

Нет, я не твой! в твоей науке строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня, кой-как моей дорогой
Один я побреду.

Прости! нль нет: когда мое светило
Во звездной вышине
Начнет бледнеть и все, что сердцу мило,
Забить придется мне,

Явись тогда! раскрой тогда мне очи,
Мой разум просвети,
Чтоб, жизнь презрев, я мог в обитель ночи
Безропотно сойти».

ПРИЗНАНИЕ

Притворной нежности не требуй от меня,
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты права, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой, и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.

Я не пленен красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долги в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекал я душою.
Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе зывал я редко, припущенно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.
Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.

Грущу я; но и грусть мигует, знаменуя
Судбины полную победу надо мной;
Кто знает? мнением солюся я с толпой;
Подругу, без любви — кто знает? — изберу я.
На брак обдуманный я руку ей подам
И в храме стапу рядом с нею,
Невинной, преданной, быть может, лучшим спам,
И назову ее моею;
И весть к тебе придет, но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевным прихотям мы воли не дадим,
Мы не сердца под брачными венцами —
Мы жребии свои соединим.
Прощай! Мы долго шли дорогою одною;
Путь новый я избрал, путь новый избери;
Печаль бесплодную рассудком усмири
И не вступай, молю, в напрасный суд со мною.
Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

<1823>.

ЧЕРЕП

Усопший брат! кто сон твой возмутил?
Кто пренебрег святынею могильной?
В разрытый дом к тебе я нисходил,
Я в руки брал твой череп желтый, пыльный!

Еще носил волос остатки оп;
Я зрел на нем ход постепепный тлеья.
Ужасный вид! как сильно поражен
Им мыслящий наследник разрушенья!

Со мной толпа безумцев молодых
Пад ямою безумно хохотала;
Когда б тогда, когда б в руках моих
Глава твоя внезапно провещала!

Когда б она цветущим, пылким нам
И каждый час грозным смертным часом
Все истины, известные гробам,
Произнесла своим бесстрастным гласом!

Что говорю? Стократно благ закоп,
Молчаньем ей уста запечатлевший;
Обычай прав, усопших важный сон
Нам почитать издревле повелевший.

Живи живой, спокойно тлей мертвец!
Всесильного ничтожное создашь,
О человек! уверься наконец,
Не для тебя ни мудрость, ни всезнашь!

Нам надобны и страсти и мечты,
В них бытия условие и пища:
Не подчинишь одним законам ты
И света шум и тишину кладбища!

Природных чувств мудрец не заглушит
И от гробов ответа не получит;
Пусть радости живущим жизнь дарит,
А смерть сама их умереть научит.

<1824>

ЛЮБОВЬ

Мы пьем в любви отраву сладкую;
Но всё отраву пьем мы в пей,
И платим мы за радость краткую
Ей безвесельем долгих дней.
Огонь любви — огонь живительный,
Все говорят: но что мы зрим?
Опустошает, разрушительный,
Он душу, объятую им!
Кто заглушит воспоминания
О днях блаженства и страдания,
О чудных днях твоих, любовь?
Тогда я ожил бы для радости,
Для снов златых цветущей младости
Тебе открыл бы душу вновь.

<1824>

БУРЯ

Завылá буря; хлябь морская
Клокочет и ревет, и черные валы
Идут, до неба восставая.
Бьют, гневно пенясь, в прибрежные скалы.

Чья неприязненная сила,
Чья своевольная рука
Сгустила в тучи облака
И на краю небес несчастье зародила?
Кто, возмущив природы чин,
Горами влажными на землю гонит море?
Не гонит ли злобный дух, гонимый злостелия,
Что по асфальтовой разливе горы,
Что человека подчинил
Железным, немощи, страстям и разрушению
И на гворенье слога
Все силы, давая гворенью?
Земля предаст перед ним:
Он небо засыплет острыми туманами
И даст разрываться волнам,
Брызнувшим истребительством своим.

Когда придет желанное мгновенье?
Когда волнам твоим я вверюсь, океан?
Но знай: красой далеких стран
Не очаровано мое воображение.
Под небом лучшим обрести
Я лучшей доли не сумею;
Вновь не смогу душой моею
В краю цветущем расцвести.
Меж тем от прихоти судьбины,
Меж тем от медленной отравы бытия,
В покое рабленном я
Ждать не хочу своей кончины;
На яростных волнах, в борьбе со гневом их,
Она отрадное гордым человека!
Как жаждал радостей младых
Я на заре молодого века,
Так нынче, океан, я жажду бурь твоих!

Волнуйся, восставай на каменные грани;
Он веселит меня, твой грозный, дикий рев,
Как зов к давно желанной брани,
Как мощного врага мне чем-то лестный гнев.

<1824>

ЗВЕЗДА

Взгляни на звезды: много звезд
В безмолвии ночном
Горит, блестит кругом луны
На небе голубом.

Взгляни на звезды: между них
Милее всех одна!
За что же? Ранее встает,
Ярче горит она?

Нет! утешает свет ее
Расставшихся друзей:
Их взоры, в синей вышине,
Встречаются на ней.

Опа на небе чуть видна,
Но с думою глядит,
Но взору шлет ответный взор
И нежностью горит.

С пес в лазоревую почь
Не сводим мы очес *,
И пропоем мы ее
На небо и с небес.

Себе звезду избрал ли ты?
В безмолвии почном
Их много блещет и горит
На небе голубом.

Не первой вставшей сердце вверь
И, суетный в любви,
Не лучезарнейшую всех
Своею назови.

Ту назови своей звездой,
Что с думою глядит,
И взору шлет ответный взор,
И нежностью горит.

24 сентября 1824

Отчизны враг, слуга царя *,
К бичу народов — самовластью
Какой-то адскою любовию горя,
Он незнаком с другою страстью.
Скрывался от очей, злодействует впоотьмах,
Чтобы злодействовать свободней.
Не нужно имени: у всех оно в устах,
Как имя страшное владыки пренеподней.

<1824 или 1825>

ВЕСЕЛЬЕ И ГОРЕ

Рука с рукой Веселье, Горе
Пошли дорогой бытия;
Но что? поссорились вскоре
Во всем несходные друзья!
Лишь перекресток улучили,
Друг другу молвили: «Прости!»,
Недолго разво побродили,
Через день сошлись — в конце пути!

<1825>

ПАДНИСЬ

Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нем жизни нет;
Но как на нем былых страстей
Еще заметен след!
Так лрый ток, оледенев,
Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев,
Храня движенья вид.

<1825>

ПЕСНЯ

Когда взойдет денница золотал,
Горит эфир,
И ото сна встает, благоухая,
Цветущий мир,
И славит все существованья сладость;
С душой твоей
Что в пору ту? скажи, живая радость,
Тоска ли в ней?

Когда на деп цветущих и прицветных,
Перед тобой
Мелькающих в одеждах разноцветных,
Глядишь порой,

Глядишь и пьешь их томных взоров сладость;
С душой твоей
Что в пору ту? скажи, живая радость,
Тоска ли в ней?

Страдаю я! Из-за дубравы дальней
Взойдет заря,
Мир озарит, души моей печальной
Не озаря.
Будь новый депь любимцу счастья в сладость!
Душе моей
Противен он! что прежде было в радость,
То в муку ей.

Что красоты, почти всегда лукавой,
Мне долгий взор?
Обманчив он! знаком с его отравой
Я с давних пор...
Обманчив он! его живая сладость
Душе моей
Страшна теперь! что прежде было в радость,
То в муку ей.

<1824 или 1825>

ДОРОГА ЖИЗНИ

В дорогу жизни снаряжал
Своих сынов, безумцев нас,
Сноп золотых судьба благая
Дает известный нам запас.
Нас быстро годы почтовые *
С корчмы довозят до корчмы *,
И спами темн роковые
Прогоны * жизни платим мы.

<1825>

Д. ДАВИДОВУ

Пока с восторгом я умею
Внимать рассказу славных дел,
Любовью к чести пламенею
И к песням муз не охладел,
Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельской рукою
Пожал Давыдов руку мне!
О ты, который я был сражений
Полки лихие бурно мчал
И гласом браних песнопений
Сердца бесстрашных волновал!
Так, так! покуда сердце живо
И трепетать ему не лень,
В воспоминаньи горделиво
Хранить я буду оный день!
Клянусь, Давыдов благородный,
Я в том отчизною свободной,
Твоею лирой боевой
И в славный год войны пародной
В пароде славной бородой! *

1825

ЭПИГРАММА

«Что ни болтай, а я великий муж!
Был воинюм *, послал педаром шпагу;
Как секретарь, судебную бумагу
Вам начерню, перебелю *; к тому ж
Я знаю свет,— держусь Христа и беса,
С ханжой ханжа, с повесою повеса;
В одном лице могу все лица я
Представить вам!» — Хотя под старость века,
Фаддей, мой друг, Фаддей, душа моя,
Представь лицо честного человека.

<1826>

ОНА

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами — с душой;
Есть что-то в ней пад сердцем самопластней
Земной любви и прелести земной.

Как сладкое душе воспоминанье,
Как милый свет родной звезды твоей,
Какое-то влечет очарованье
К ее ногам и под защиту к ней.

Когда ты с ней, мечты твоей неясной
Неясною владычицей она:
Не мыслишь ты — и только лишь прекрасной
Присутствием душа твоя полна.

Бредешь ли ты дорогою возвратной,
С ней разлучась, в пустынный угол твой —
Ты полон весь мечтою необъятной,
Ты полон весь таинственной тоской.

<1826>

К ***

Не бойся едких осуждений,
Но упительных похвал *;
Не раз в чаду их мощный гений
Сном расслабленья засыпал.

Когда, доверясь их измене,
Уже готов у моды ты
Взять на венок своей Камене *
Ее тафтяные цветы,—

Прости, я громко негодую;
Прости, наставник и пророк!
Я с укоризной указую
Тебе на лавровый венок.

Когда по ребрам крепко стиснут
Пегас * удалым седоком,
Не горе, ежели прихлыстнут
Его критическим хлыстом.

<1827>

ЭПИГРАММА

Окогченная летунья,
Эпиграмма-хохотунья,
Эпиграмма-сгоза
Трется, вьется средь народа,
И завидит лишь уroda —
Разом вцепится в глаза.

<1827>

ПОСЛЕДНЯЯ СМЕРТЬ

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понята своего,
А между тем, как волны, па пего,
Одни других мятежней, своеправней,
Видения бегут со всех сторон,
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он;
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.

Созданье ли болезненной мечты
Иль дерзкого ума соображение,
Во глубине полночной темноты
Представшее очам моим виденье?
Не ведаю: по предо мной тогда
Раскрылися грядущие года;

События вставали, развивались,
Волнуясь, подобно облакам,
И полными эпохами являлись
От времени до времени очам,
И наконец я видел без покрова
Последнюю судьбу всего живого.

Сначала мир явил мне дивный сад;
Везде искусств, обилия приметы;
Близ веси весь * и подле града град,
Везде дворцы, театры, водометы,
Везде народ, и хитрый свой закон
Стихии все признать заставил он.
Уж он морей мятежные пучины
На островах искусственных селил,
Уж рассказ небесные равнины
По прихоти им вымышленных крыл *;
Все на земле движением дышало,
Все на земле как будто ликовало.

Исчезнули бесплодные года,
Оратаи по воле призывали
Ветра, дожди, жары и холода,
И верною сторицей воздавали
Посевы им, и хищный зверь исчез
Во тьме лесов, и в высоте небес,
И в бездне вод, сраженный человеком,
И царствовал повсюду светлый мир.
Вот, мыслил я, прельщенный дивным веком,
Вот разума великолепный пир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещение!

Прошли века. Яснеть очам моим
Видение другое начинало:
Что человек? что вновь открыто им?
Я гордо мнил, и что же мне предстало?
Наставшую эпоху я с трудом
Постигнуть мог смутившимся умом.
Глаза мои людей не узнавали;
Привыкшие к обилию дольных благ,

На все они спокойные взирали,
Что суеты рождало в их отцах,
Что мысли их, что страсти их, бывало,
Влечением всепильным увлекало.

Желания земные позабыв,
Чуждаясь их грубого влечения,
Душевных снов, высоких слов призыв
Им заменил другие побужденья,
И в полное владение свое
Фантазия взяла их бытие,

И умственной природе уступила
Телесная природа между них:
Их в эмпирей * и в хаос уносила
Живая мысль па крыльях своих;
Но по земле с трудом они ступали,
И браки их бесплодны пребывали.

Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершилася живущего судьбина.
Где люди? где? Скрывались в гробах!
Как древние столпы на рубежах,
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям загложившим блуждали
Без пастырей безумные стада;
С людьми для них исчезло пропитанье;
Мне слышалось их гладное блеянье.

И тишина глубокая вослед
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
По-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло,
Но на земле ничто его восходу
Произнести привета не могло.
Один туман над ней, синее, вился
И жертвою чистительной дымился.

<1827>

СТАНСЫ

Судьбой палоченные цепи
Упали с рук монах, и вновь
Я вижу вас, родные степи,
Моя начальная любовь.

Степного неба свод желанный,
Степного воздуха струи,
На вас я в пеге бездыханной
Остановил глаза мои.

Но мне увидеть было слаще
Лес на покате двух холмов
И скромный дом в садовой чаще —
Приют младенческих годов.

Промчалось ты, златое время!
С тех пор по свету я бродил
И наблюдал людское племя
И, наблюдая, восскорбил.

Ко благу пылкое стремленье
От неба было мне дано;
Но обрело ли разделенье,
Но принесло ли плод оно?..

Я братьев знал; но сны молодые
Сосдишили нас на миг:
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других *.

Я твой, родимая дуброва!
Но от насильственных судьбин
Молишь хранительного крова
К тебе пришел я не один.

Привел под сень твою святую
Я соучастницу в мольбах —
Мою супругу молодую
С младенцем тихим на руках *.

Пускай, пускай в глуши смиренной,
С ней, милой, быт мой утал,
Других урочищей вселенной
Не буду помнить бытия.

Пускай, о свете не тоскуя,
Предав забвению людей,
Кумиры сердца сберегу я
Однй, однй в любви моей.

1827

СМЕРТЬ

Смерть дочерью тьмы не назову я
И, рабленною мечтой
Гробовый остов ей дарую,
Не ополчу ее косой.

О дочь верховного эфира!
О светозарная краса!
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил,
В твое храненье всемогущий
Его устройство поручил.

И ты летаешь над твореньем,
Согласье прам его лия*,
И в нем прохладным дуновеньем
Смирля буйство бытия.

Ты укрощаешь восстающий
В безумной силе ураган,
Ты, на брега сволочущий,
Вспять возвращаешь океан.

Далешь пределы ты раскосу,
Что не покрывл гигантский лес

Земли губительною тенью,
Злак не восстал бы до небес.

А человек! Святая дева!
Перед тобой с его ланит
Мгновенно сходят пятна гнева,
Жар любово-страстия бежит.

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоуменье, принуждение --
Условье смутных наших дней,
Ты всех загадок разрешение,
Ты разрешение всех цепей.

<1925>

СТАРИК

Бенчали розы, розы Леля *.
Мой первый век, мой век молодой:
Я был счастливый пустомеля
И девам правился порой.
Я помню ласки их живые,
Лобзанья, полные огня...
Но пролетели дни молодые;
Они не смотрят на меня!
Как быть? У яркого камня,
В укромной хижине моей,
Накрою стол, поставлю вина
И соберу моих друзей.
Пускай вепок, сплетенный Лелем,
Не обновится никогда, —
Года, увенчанные хмелем,
Еще пусть будут года.

<1928>

ДЕРЕВНЯ

Люблю деревню я и лето:
И говор вод, и тень дубров,
И благоволие цветов;
Какой душе не мило это?
Быть так, прощаю комаров!
Но признаюсь — пустыни житель,
Покой пустынный в ней любя,
Комар двуногий, гость-мучитель,
Нет, не прощаю я тебя!

<1828>

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношении,
И как нашел я друга в поколении,
Читателя найду в потомстве я.

<1828>

Не подражай: своеобразен гений
И собственным величием велик,
Доратов ли *, Шекспиров ли двойник —
Досаден ты: не любят повторений.
С Израилем певцу один закон *:
Да не творит себе кумира он!
Когда тебя, Мицкевич вдохновенный,
Я застаю у Байроновых ног,
Я думаю: поклонник униженный!
Встань, встань и вспомни: сам ты бог!

1828

БЕСЕНОК

Слышал я, добрые друзья,
Что наши прадеды в печали,
Бывало, беса призывали;
Им подражаю в этом я.
Но не пугайтесь: подружился
Я не с проклятым сатаной,
Кому душою поклонился
За деньги старый Громобой *;
Узнайте: ласковый бесенок
Меня младенцем навещал
И колыбель мою качал
Под шепот легких побасенок,
С тех пор я вышел из пеленок,
Между мужами возмужал,
Но для него еще ребенок.
Случится ль горе иль беда,
Иль безотчетно иногда
Сгрустнется мне в моей конурке —
Махну рукой: по старине
На сером полке, сивке-бурке
Он мигом явится ко мне.
Больному духу здравьем свистнет,
Бобами думу разведет,
Живой водой веселье вспышет,
А горе мертвою зальет.
Когда в задумчивом совете
С самим собой из-за угла
Гляжу на свет и, видя в свете
Спободу глупости и зла,
Добра и разума прижимку,
Насильем сверженный закоя,
Я слабым сердцем возмущен, —
Проворно шапку-песидимку
На шар земной набросит он,
Или, в мгновение зеницы,
Чудесный коврик-самолет
Он подо мною развернет,
И коврик тот в сады жар-птицы,
В чертоги дивной царь-девицы
Меня по воздуху несет.

Прощай, владенье грустной были,
Меня смущавшее досель,
Я от твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель.

Октябрь 1828

Чудный град порой сольется
Из летучих облаков,
Но лишь ветер его коснется,
Он исчезнет без следов.

Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

<1829>

ПОДРАЖАТЕЛЯМ

Когда, печалью вдохновенный,
Певец печаль свою поет,
Скажите: отзыв умиленный
В каком он сердце не найдет?
Кто, вековых проклятий жадеи,
Дерзнет осмевать ее?
Но для притворства великий хладен,
Плач подражательный досадеи,
Смешно жеманное вытье!
Не напряженного мечтанья
Огнем услужливым согрет —
Постигнул таинства страданья
Душесмутительный * поэт.
В борьбе с тяжелою судьбою
Познал он меру вышних сил,
Сердечных судорог ценою
Он выраженье их купил.

И вот петленными лучами
Лиц песнопевца окружен,
И чтим земными племенами,
Подобно мученику, он.
А ваша муза площадная,
Тоской заемною мечтая
Родить участие в сердцах,
Подобна нищей развращенной,
Молящей ленты незаконной
С чужим ребенком на руках.

<1829>

МУЗА

Не ослеплен я музою моею:
Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой;
И он скорей, чем едким осужденьем,
Ее почитит небрежной похвалою.

<1829>

ЭПИГРАММА

«Поверьте мне,— Фиглярин-моралист *
Нам говорит преумилненным слогом,—
Не должно красть: кто на руку печист,
Перед людьми грешит и перед богом;
Не надобно в суде кривить душой,
Нехорошо живиться клеветой,

Временщику подслуживаться низко;
Честь, братцы, честь дороже нам всего!»
Ну что ж? Бог с ним! все это к правде близко,
А может быть, и ново для него.

1829

Бывало, отрок, звонким кликом
Лесное эхо я будил,
И верный отклик в лесе диком
Меня смятенно веселил.
Пора другая наступила,
И рифма юношу пленила,
Лесное эхо замеща.
Игра стихов, игра золотая!
Как звуки, звукам отвечая,
Бывало, нежил меня!
Но все проходит. Остываю
Я и к гармонии стихов —
И как дубров не окликаю,
Так не ищу созвучных слов.

1831

В дни безграничных увлечений,
В дни необузданных страстей
Со мною жил превратный гений,
Наперсник юности моей.
Он жар восторгов несогласных
Во мне питал и раздувал;
Но соразмерностей прекрасных
В душе носил я идеал;
Когда лишь праздников смятенья
Алкал * безумец молодой,
Поэта мерные творенья
Блестали стройной красотой.

Страстей порывы утихают,
Страстей млечные мечты
Передо мной не затмевают
Законов вечной красоты;
И поэтического мира
Огромный очерк я узрел,
И жизни даровать, о лира!
Твое согласие захотел.

1831

Н. М. ЯЗЫКОВУ

Языков, буйства молодого
Певец роскошный и лихой!
По воле случая слепого
Я познакомился с тобой
В те осмотрительные лета,
Когда смиренная диета
Нужна здоровью моему,
Когда и тошный опыт света
Меня наставил кой-чему,
Когда от бурных увлечений
Желанным отдыхом дыша,
Для благочинных размышлений
Созрела томная душа;
Но я люблю восторг удалий,
Разгульный жар твоих стихов.
Дай руку мне: ты славный малый,
Ты в цвете жизни, ты здоров;
И неумеренную радость,
Счастливец, славить ты в правах;
Звучит лирическая младость
В твоих лирических грехах.
Не буду строгим моралистом
Или бездушным журналистом;
Приходит все своим чредом:
Послушный голосу природы,
Предупредить не должен годы
Ты педантическим пером;

Другого счастья поэтом
Ты позже будешь, милый мой,
И сам испунишь перед светом
Проказы музы молодой.

1831

Где сладкий шепот
Монх лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковер зны
Покрыл холмы,
Луга и доли.
Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Все цепенеет,
Лишь ветер злой,
Бушует, воеет
И небо кроет
Седую мглой.

Зачем, тоскуя,
В окно слежу я
Метели лёта?
Любимцу счастья
Кров от ненастья
Оно дает.
Огонь трескучий
В моей печи;
Его лучи
И пыл летучий
Мне веселят
Беспечный взгляд.
В тиши мечтаю
Перед живой
Его игрой,

И забываю
Я бури вой.

О провиденье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновение
Бурь бытия.
Скорбя душою,
В тоске моей,
Склонюсь главою
На сердце к ней *,
И под мятежной
Метелью бед,
Любовью нежной
Ее согрет,
Забуду вскоре
Крутое горе,
Как в этот миг
Забыл природы
Гробовый лик
И непогоды
Мятежный крик.

1831(?)

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ

Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, зане * совершил
В пределе земном все земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалей,
Что гения черен — наследье червей.

Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На все отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.

Все дух в нем питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных созданья,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упования;
Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату и в царский чертог.

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Изведен, испытан им весь человек!
И ежели жизнью земною
Творец ограничил летучий наш век
И нас за могильной доскою,
За миром явлений, не ждет ничего,—
Творца оправдает могила его.

И если загробная жизнь нам дана,
Он здешней вполне отдышавший
И в звучных, глубоких отзвуках споина
Все должное долгу отдавший,
К предвечному легкой душой возлетит,
И в небе земное его не смутит.

1832

Наслаждайтесь: все проходит!
То благой, то строгий к нам,
Своею правдою рок приводит
Нас к утехам и к бедам.
Чужд он долгого пристрастия:
Вы, чья жизнь полна красоты,
На лету ловите счастья
Пенадежные часы.

Не ропщите: все проходит,
И ко счастью иногда
Неожиданно приводит
Нас суровая беда.
И веселью и печали
На изменчивой земле
Боги праведные дали
Одинакие криле *.

<1834>

Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешение
Меня опутавших сетей?
Когда сей демон, наводящий
На ум мой сон, его мертвящий,
Отыдет, чадный, от меня,
И я увижу луч блестящий
Всеозаряющего дни?
Освобожусь воображеньем,
И крылья духа подыму,
И пробужденным вдохновеньем
Природу снова обвиню?
Вотще ль мольбы? напрасны ль пени?
Увижу ль снова ваши сени,
Сады поэзии святой?
Увижу ль вас, ее светила?
Вотще! я чувствую: могила
Меня живого прижала,
И, легкий дар мой удушая,
На грудь мне дума роковая
Гробовой насыпью легла.

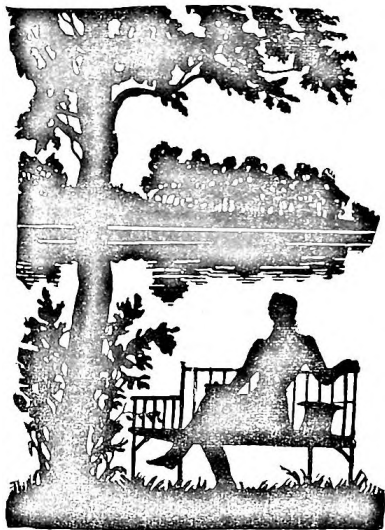
<1834>

Есть милая страна, есть угол на земле *,
Куда, где б ни были — средь буйственного стана,
В садах Арминдиных *, на быстром корабле,
Браздящем весело равнины океана, —
Всегда уносимся мы дуною своею;
Где, чужды измненных страстей,
Житейским подвигам предел мы назначаем,
Где мир надеемся забыть когда-нибудь
И вежды старые сомкнуть
Последним вечным сном желаем.

Я помню ясный, чистый пруд;
Под сению берез ветвистых,
Средь мирных под его три острова цветут;
Светлея нивами меж рош своих волнистых,
За ним встает гора, пред ним в кустах шумит
И брызжет мельница. Деревня, луг широкой,
А там счастливый дом... туда душа летит,
Там не хладел бы я и в старости глубокой!
Там сердце томное, больное обрело
Ответ на все, что в нем горело,
И снова для любви, для дружбы расцвело
И счастье вновь уразумело.
Зачем же томный вздох и слезы на глазах?
Она, с болезненным румянцем на щеках,
Она *, которой нет, мелькнула предо мною.
Почий, почий * легко под дерном гробовым:
Воспоминая живым
Не разлучимся мы с тобою!
Мы плачем... но прости! Печаль любви сладка.
Отрадны слезы сожаленья!
Не то холодная, суровая тоска,
Сухая скорбь разуверенья.

<1834>

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблуждение
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастище своей.

<1834>

О, верь: ты, пежная, дороже славы мне *;
Скажу ль? мне иногда докучно вдохновенье:
Мешает мне его поленье
Дышать любовью в тишине!
Я сердце предаю сердечному союзу;
Приди, мечты мои рассей,
Ласкай, ласкай меня, о друг души моей!
И покори себе бунтующую музу.

<1834>

Весна, весна! как воздух чист!
Как лсен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкалась к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взрелев, река несет
На торжествующем хребте
Поднятый ею лед!

Еще древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моею ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поет
Заздравный гимн весне.

Что с нею, что с моею душой?
С ручьем она ручей

И с птичкой птичка! с ним журчит,
Летает в небе с ней!

Зачем так радуется
И солнцу и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?

Что пужды! счастлив, кто на пем
Забвенные мысли пьет,
Кого далеко от нас
Он, дивный, унесет!

<1834>

ЗАПУСТЕНИЕ

Я посетил тебя, пленительная сень,
Не в дни веселые живительного мая,
Когда, зелеными ветвями помавая,
Манишь ты путника в свою густую тень,
Когда ты веешь ароматом
Тобою бережно взлелеянных цветов,—
Под очарованный твой кров
Замедлил я своим возвратом.
В осенней нагоде стояли деревья
И неприветливо чернели;
Хрустела под ногой замерзлая трава,
И листья мертвые, волнуясь, шумели;
С прохладой резко дышал
В лицо мне запах увяданья;
Но не весеннего убранства я искал,
А прошлых лет воспоминанья.
Душой задумчивый, медлительно я шел
С годов младенческих знакомыми тропами;
Художник опытный их некогда провел.
Увы, рука его изглажена годами!
Стези, заглохшие, мечтаешь, пешеход
Случайно протоптал. Сошел я в дол заветный,
Дол, первых дум моих лелеятель приветный!
Пруда знакомого искал красивых вод,

Искал прыгучих вод мне памятной каскады *;
Там, думал я, к душе моей
Толпою полетят виденья прежних дней...
Вотще! лишённые хранительной преграды,
Далече воды утекли,
Их дожде поросло травкою.
Приют хозяйственный в нем улья обрели,
И легкая тропа исчезла предо мною.
Ни в чем знакомого мой взор не обретал!
Но вот по-прежнему, лесистым косогором,
Дорожка смелая ведет меня... обвал
Вдруг поглотил ее... Я стал
И глубь нежданную измерил грустным взором,
С недоумением искал другой тропы.
Иду я: где беседка тлеет
И в прахе перед ней лежат ее столпы,
Где остов мостика дряхлеет.
И ты, величественный грот,
Тяжело-каменный, постигнут разрушеньем
И угрожаешь уж паденьем,
Бывало, в летний зной прохлады полный свод!
Что ж? пусть минувшее минуло сном летучим!
Еще прекрасен ты, заглохший Элизей *,
И обаянием могучим
Исполнен для души моей.
Тот не был мыслию, тот не был сердцем хладен *,
Кто, безыменной неги жадеи,
Их своенравный бег тропам сим указал,
Кто, преклоняя слух к таинственному шуму
Сих кленов, сих дубов, в душе своей питал
Ему сочувственную думу.
Давно кругом меня о нем умолкнул слух,
Приняла прах его далекая могила *,
Мне память образа его не сохранила,
Но здесь еще живет его доступный дух;
Здесь, друг мечтанья и природы,
Я познаю его вполне;
Он вдохновением волнуется во мне,
Он славить мне велит леса, долины, воды;
Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую несрочную весну,

Где разрушения следов я не примечу,
Где в сладостной тени невянувших дубров,
У нескудеющих ручьев,
Я тень, священную мне, встречу.

1834

Я не любил ее, я знал,
Что не она поймет поэта,
Что на язык души душа в ней без ответа;
Чего ж, безумец, в ней искал?
Зачем стихи мои звучали
Ее восторженной хвалой
И малодушно возвещали
Ее владычество и плен постыдный мой?
Зачем вверял я с умилением
Ей все мечты души моей?..
Туман упал с моих очей,
Ее бегу я с отвращеньем!
Так, омраченные вином,
Мы недостойному порою
Жмем руку дружеской рукою,
Приветствуем его с ослабленным лицом,
Красноречиво изливаем
Все думы сердца перед ним;
Ошибки темное сознание храним,
Но блажь досадную напрасно укрощаем
Умом взволнованным своим.
Очнувшись, странному забвению дивимся,
И незаконного наперсника стыдимся,
И от противного лица его бежим.

<1834>

ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и обдал мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколения,
Промышленным заботам преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила ²,
Собрала свои народы
И столицы подняла;
В ней опять цветут науки,
Носит поит торговли груз,
Но не слышны лиры звуки
В первобытном рас муз!

Блестит зима дряхлеющего мира,
Блестит! Суров и бледен человек;
Но зелены в отечестве Омира *
Холмы, леса, брега лазурных рек.
Цветет Парнас! * пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ * живой струею бьет;
Нежданный сын последних сил природы —
Возник Поэт,— идет он и поет.

Воспевает, простодушный,
Он любовь и красоту
И науки, им ослушной *,
Пустоту и суету:
Мимолетные страданья
Легкомыслием целл,
Лучше, смертный, в дни незнапья
Радость чувствует земля.

Поклонникам Урании * холодной
Поет, увь! он благодать страстей;
Как пажити Эол * бурнопогодный,
Плодотворят они сердца людей;

Живительным дыханием разента,
Фантазия подымается от них,
Как некогда возникла Афродита *
Из пенной пучины вод морских.

И зачем не предадимся
Снам улыбчивым своим?
Жарким сердцем покоримся
Думам хладным, а не им!
Верьте сладким убеждениям
Вас ласкающих очес *
И отрадным откровеньям
Сострадательных небес!

Суровый смех ему ответом; персты
Он на струнах своих остановил,
Сомкнул уста, вещать полумолвы,
Но гордые главы не преклонил:
Стопы свои он в мыслях направляет
В немую глушь, в безлюдный край; но свет
Уж праздного вертепа * не лялет,
И на земле уединенья пет!

Человеку непокорно
Море синее одно,
И свободно, и просторно,
И приветливо оно;
И лица не изменило
С дня, в который Аполлоп *
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон.

Оно шумит перед скалой Левкада *.
На ней пещер, мятежной думы полн,
Стоит... в очах блеснула вдруг отрада:
Сня скала... тень Сафо!.. * голос волн...
Где погребла любовница Фаона *
Отверженной любви несчастный жар,
Там погребет питомец Аполлона
Свои мечты, свой бесполезный дар!

И по-прежнему блистает
Хладной роскошью свет,

Серебрит и позлащает
Свой безжизненный скелет;
Но в смущение приводит
Человека вал морской,
И от шумных вод отходит
Он с тоскующей душой!

<1835>

ОСЕНЬ

1

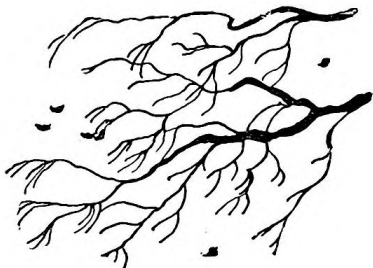
И вот сентябрь! замедля свой восход,
Сияньем холодным солнце блещет,
И луч его в зеркале * зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седал мгла вьется вокруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

2

И вот сентябрь! и вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои серебристые узоры.
Пробудится ненастный Эол;
Пред ним помчится прах летучий,
Качался, завоет роща, дол
Покроет лист ее надучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, занемится река.

3

Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!

Веселый соп минутных летних пег!
Вот эхо в рощах обнаженных
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убранных,
Своих дубров и холмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

4

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов собирает;
Сметав в стога скошенный злак долины,
С серпом он в поле поспешает.

Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопъ стоит в копнах блестящих
Иль тянутся вдоль жнивы, на возах,
Под тяжелой пошею скрипящих,
И хлебных скирд золотоверхий град
Подъемлется кругом крестьянских хат.

5

Дни сельского, святого торжества!
Овины * весело дымятся,
И цеп * стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди, зима! на строги дни себе
Припас оратай * много блага:
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага;
С семьей своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод!

6

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей
Является земная доля;
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды
И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее собираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты,—

7

Ты так же ли, как земледел, богат?
И ты, как он, с надеждой селл;
И ты, как он, о дальнем дне наград
Сны позлащенные лелеял...
Любуясь же, гордись восставшим им!
Считаи свои приобретения!..
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скопленные презренья,

Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

8

Твой день взошел, и для тебя ясна
 Вся дерзость юных легковерий;
Испытана тобою глубина
 Людских безумств и лицемерий.
Ты, некогда всех увлеченный друг,
 Сочувствий пламенный искатель,
Блистательных туманов царь — и вдруг
 Бесплодных дебрей созерцатель,
Один с тоской, которой смертный стои
Едва твоей гордыней задушен.

9

Но если бы негодованья крик,
 Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечный возник,
 Вполне торжественный и дикой,—
Костями бы среди своих забав
 Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
 Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его навек,
И заживо б в нем умер человек!

10

Зови ж теперь на праздник честный мир!
 Спешн, хозяин тороватый! *
Проси, сажай гостей своих за пир
 Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
 Каким разнообразьем брашен *
Блестает он!.. Но вкус один во всех
 И, как могила, людям страшен;
Садись один и тризну * соверши
По радостям земным твоей души!

Какое же потом в груди твоей
 Или водворится озаренье,
 Чем дум и чувств или разрешится в ней
 Последнее вихреобразование —
 Пусть в торжестве насмешливом своим
 Ум бесполезный сердца трепет
 Угасит и тщетных жалоб в нем
 Удушит запоздалый лепет,
 И примешь ты, как лучший жизни клад,
 Дар опыта, мертвящий душу хлад.

Иль, отряхнув видения земли
 Порывом скорби животворной,
 Ее предел завидя небади,
 Цветущий брег за мглою черной,
 Возмездий край, благовестящим снам
 Доверясь чувством обновленным,
 И бытия млечным голосам,
 В великом гимне примиренным,
 Внимающий, как арфам, коих строй
 Превыспренный не попят был тобой,—

Пред промыслом оправданным ты ниц
 Падешь с признательным смиреньем,
 С надеждою, не видящей границ,
 И утоленным разуменьем,—
 Знай, внутренней своей вовеки ты
 Не передашь земному звуку
 И легких чад житейской суеты
 Не посвятишь в свою науку;
 Знай, горняя * иль дольная, она
 Нам на земле не для земли дана *.

Вот буйственно песется ураган,
 И лес подымлет говор шумный,

И пенится и ходит океан,
И в берег бьет волной безумной;
Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум *,
И звучный отзыв в ней находит,
Но не найдет отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешел.

15

Пускай, приняв неправильный полет
И всякие стези не обретал,
Звезда небес в бездонность утечет;
Пусть заменит ее другая *;
Не явствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения ее далекий вой,
Равно как в высотах эфира
Ее сестры поворожденный свет
И небесам восторженный привет!

16

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с нищетой —
Все образы годины бывшей
Сравниются под снежной челеной,
Однообразно их покрывшей, —
Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

1836—1837

Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом, осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена
В свободной прозе романиста;
Болтуня старая, затем
Она, подымля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.

<1837>

ПРИМЕТЫ

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерою,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верою;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала,
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновение.

На путь ему выбежав из лесу, волк,
Крутясь и подымля щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.

Чета голубиная, вся над ним,
Блаженство любви прорицала.

В пустыне безлюдной он не был одним,
Нечуждая жизнь в ней дышала.

Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

<1839>

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!

В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий;

Вольной песнью разольется,
Скорбь-невзгода распоется!

А как век-то, век-то старый
Обручится с лютой карой,

Груз двойной с груди усталой
Уж не сбросит вздох удалый,

Не положишь ты на голос
С черной мыслью белый волос!

<1839>

Толпе тревожный день приветен, но страшна
Ей ночь безмолвная. Боятся в пей она
Раскованной мечты видений своевольных.
Не легкокрылых грез, детей волшебной тьмы,
Видений дня боимся мы,
Людских сует, забот юдольных *.

Ощупай возмущенный мрак —
Исчезнет, с пустотой сольется
Тебя пугающий призрак,
И заблуждению чувств твоих ужас улыбнется.

О сын фантазии! ты благодатных фей
Счастливей баловень, и там, в заочном мире,
Веселый семейник, привычный гость на пире
Неосязаемых властей!
Мужайся, не слабей душою
Перед заботою землею:
Ей исполненный вид даст твоя мечта;
Коснись облака нетрепетной рукою —
Исчезнет; а за ним опять перед тобою
Обитали духов откроются врата.

<1839>

МУДРЕЦУ

Тщетно меж бурною жизнью и холодной смертью,
Философ,
Хочешь ты пристань найти, имя дашь ей: покой.
Нам, из ничтожества вызванным творчества словом
Тревожным,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье — одно.
Тот, кого миновали общие смуты, заботы,
Сам вымышляет себе: лиру, псалтиру, резец;
Мира невежда, младенец, как будто закон его чуя,
Первым степеньем качать пудит свою колыбель!

<1840>

На что вы, дни! Юдольный * мир явленья
Свой не изменит!
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.

Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

И, тесный круг подлунных впечатлений
Сожмнувшая давно,
Под велием возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

<1840>

Все мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец ее! тебе забвенья нет;
Всё тут, да тут и человек, и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
Резец, орган, кисть! счастливы, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.

<1840>

РИФМА

Когда на играх олимпийских *,
На стогнах * греческих недавних городов,
Он пел, питомец муз, он пел среди валов
Народа, жадного восторгов мускийских * —
В нем вера полная в сочувствие жила.
Свободным и широким метром,
Как жатва, зыблемая ветром,
Его гармония текла.

Толпа вниманием окована была,
Пока, могучим сотрясеньем
Вдруг побежденная, плескала без конца
И струны звучные невла
Дарила новым вдохновеньем.
Когда на греческий амвон *,
Когда на римскую трибуну
Оратор восходил, и славословил он
Или оплакивал народную фортуна,
И устремлялись все взоры на него,
И силой слова своего

Вития * властвовал народным произволом,—
Он знал, кто он; он ведаť мог,
Какой могучий правит бог
Его торжественным глаголом.
Но нашей мысли торжищ * нет,
Но нашей мысли нет форум!..²
Меж нас не ведает поэт,
Высок полет его или нет,
Велика ли творческая дума.
Сам судия и подсудимый,
Скажи: твой беспокойный жар —
Смешной недуг или высший дар?
Реши вопрос неразрешимый!
Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света,
Своею ласкою поэта
Ты, рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега *,
Одна ему, с родного берега,
Живую ветвь приносишь ты;
Одна с божественным порывом
Миришь его твоим отзывом
И признаешь его мечты!

<1840>

Предрассудок! он обломок
Давней правды *. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.

Гонит в нем наш век надменный,
Не узнав его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолетнего отца.

Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Как уснет он, предку дай.

<1841>

РОПОТ

Красного лета отравы, муха досадная, что ты
Вьешься, терзая меня, льнешь то к лицу,
то к перстам?
Кто одарил тебя жалом, властным прервать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцелуи?
Ты из мечтателя мирного, нег европейских питомца,
Дикого скифа творишь, жадного смерти врага.

<1841>

НА ПОСЕВ ЛЕСА

Опять весна; опять смеется луг,
И весел лес своей молодой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.

Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,

Уж дольний * мир уходит от очей,
Пред вечным днем я опускаю вежды.

Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира,
Но праг * земли не перешел нинит,—
К се сынам еще вызывает лира.

Велик господь! Он милосерд, по прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья.

Кого измял души моеї порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавый;
Но подо мною, сокрытый ров * пзрыв,
Свои рога венчал он надшей славой!

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос,
Я дин извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрищ другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простяся с лирою моею,
Я верую: ее заменят эти,
Поэзии тиннственныи скорбей,
Могучие и сумрачные дети.

1842

* * *

Небо Италин, небо Торквата *,
Прах поэтический древнего Рима,
Родина неги, славой богата,
Будешь ли некогда мною ты зрима?

Рвется душа, нетерпеньем объята,
К гордым остаткам надшего Рима!
Снятся мне долы, леса благовонны,
Снятся упавших чертогов колонны!

1843(?)

Когда, дитя и страсти и сомненья *,
Поэт взглянул глубоко на тебя,
Решилась ты делить его волненья,
В нем таинство печали полюбя.

Ты, смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою:
Рай зрела в нем чудесная любовь.

О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я принимал главой моею мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

1844

ПИРОСКАФ *

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьют в наш корабль средиземные волны.
Вот над кормою стал капитан.
Визгуул свисток его. Братствуя с паром,
Ветру наш парус раздался недаром:
Пенясь, глубоко вздохнул океан!

Мчимся. Колеса могучей машины
Роят волнистое лоно пучины.
Парус надулся. Берег исчез.
Наедине мы с морскими волнами;
Только что чайка вьется за нами
Белая, рея меж вод и небес.

Только вдали, океана жилища,
Чайке подобна, вод его птица,
Парус развев, как большое крыло.
С бурной стихией в томительном споре,
Лодка рыбацкая качается в море,—
С берегом набережное скрылось, ушло!

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!

С детства влекла меня сердца тревога °
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простираю.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадит меня немочь морская,
Пешою здравия брызжет мне вал!

Нужды нет, близко ль, далёко ль до берега!
В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу Фетиду *; мне жребий благой
Емлет * она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны *,
Завтра увижу Элизий * земной!

ПОЭМЫ

Поэмы помещаются в той последовательности, в какой они были напечатаны самим Баратынским в отдельном издании: «Эда, финляндская повесть, и Пиры, описательная поэма Евгения Баратынского» (Спб., 1826).

ЭДА

«Чего робеешь ты при мне,
Друг милый мой, малютка Эда?
За что, за что наедине
Тебе страшна моя беседа?
Верь, не коварен я душой;
Там, далско, в стране родной,
Сестру я добрую имею,
Сестру чудесной красоты;
Я нежно, нежно дружен с нею,
И на нее похожа ты.
Давно... что делать?.. но такая
Уж наша доля полковая!
Давно я, Эда, не видал
Родного счастливого края,
Сестры моей не целовал!
Лицом она, будь сердцем ею;
Мечте моей не измени,
И мне любовию твоею
Ее любовь папомани!
Мила ты мне. Веселье, муку —
Всё жажду я делить с тобой,
Не уходи, оставь мне руку!
Доверься мне, друг милый мой!»

С улыбкой вкрадчивой и льстивой
Так говорил гусар красивый
Финляндке Эде. Русь была
Ему отчизной. В горы Финна

Его недавно завела
Полков бродячая судьбина.
Суровый край, его красам,
Пугаясь, дивятся взоры;
На горы каменные там
Поверглись каменные горы;
Синяя, всходят до небес
Их своенравные громады;
На них шумит сосновый лес;
С них бурно льются водопады;
Там дол очей не веселит;
Гранитной лавой он облит;
Главу одевши в мох печальный,
Огромным сторожем стоит
На нем гранит пирамидальный;
По дряхлым скалам бродит взгляд;
Пришлец исполнен смутной думы:
Не мира ль давнего лежат
Пред ним развалины угрюмы?
В доселе счастливой глуши,
Отца простого дочь простая,
Красой лица, красой души
Банстала Эда молодая.
Прекрасней не было в горах:
Румянец нежный на щеках,
Летучий стан, волосы златые
В небрежных кольцах по плечам,
И очи бледно-голубые,
Подобно финским небесам.

День гаснул, скалы позлащая.
Пред хижинкой своей одна
Сидела дева молодая,
Лицом спокойна и ясна.
Подсел он скромно к деве скромной,
Завел он кротко с нею речь;
Ее не мыслила пресечь
Она в задумчивости томной,
Внимала слабым сердцем ей, —
Так роза первых вешних дней
Лутам неверным доверяет;
Почуя теплый ветерок,

Его лобзаниям открывает
Благоуханный свой шипок
И не предвидит хлад суровый,
Мертвящий хлад, дохпуть готовый.
В руке гусара моего
Давно рука ее лежала,
В забвенье сладком, у него
Опа ее не отнимала.
Он к сердцу бедную прижал;
Взор укоризны, даже гнева
Тогда поднять хотела дева,

Но гнева взор не выражал.
Веселость ясная сияла
В се младенческих очах,
И наконец в таких словах
Ему финляндка отвечала:
«Ты мной давно уже любим,
Зачем же нет? Ты добродушен,
Всегда заботливо послушен
Малейшим прихотям моим.
Они докучливы бывали;
Меня ты любишь, вижу я:
Душа признательна моя.
Ты мне любезен: не всегда ли
Я угождать тебе спешу?
Я с каждым утром приношу
Тебе цветы; я подарила
Тебе кольцо; всегда была
Твоим весельем весела;
С тобою грустным я грустила.
Что ж? Я и в этом погрешила:
Нам строго, строго не велят
Дружиться с вами. Говорят,
Что вероломны, злобны все вы,
Что вас бежать должны бы девы,
Что как-то губите вы нас,
Что пропадешь, когда полюбишь;
И ты, я думала не раз,
Ты, может быть, меня погубишь».
«Я твой губитель, Эда? я?
Тогда пускай мне казнь любую
Пошлет небесный судия!
Нет, нет! я с тем тебя целую!»
«На что? зачем? какой мне стыд!» —
Младая дева говорит.
Уж поздно. Встать, бежать готова
С негодовавшим она.
Но держит он. «Постой! два слова!
Постой! ты взорами сурова,
Ужель ты мной оскорблена?
О нет, остапись, миг забвенья,
Минуту шалости прости!»
«Я не сержуся; но пусти!»

«Твой взор исполнен оскорбленья,
И ты лицом не можешь лгать;
Позволь, позволь для примиренья
Тебя еще поцеловать».
«Оставь меня!»

«Мой друг прекрасный!
И за ребяческую блажь
Ты неизвестности ужасной
Меня безжалостно предашь!
И не поймешь мое страданье!
И такова любовь твоя!
Друг милый мой, одно лобзанье,
Одно, иль ей не верю я!»

И дева бедная вздохнула,
И милый лик свой, до того
Отвороченный от него,
К нему тихонько обернула.

Как он самим собой владел!
С какою медленностью томной,
И между тем как будто скромной,
Напечатлеть он ей умел
Свой поцелуй! Какое чувство
Ей в грудь младую влил он им!
И лобызаньем таким
Владеет хладное искусство!
Ах, Эда, Эда! Для чего
Такое долгое мгновенье
Во влажном пламени его
Пила ты страстное забленье?
Теперь, полна в душе своей
Желанья смутного заботой,
Ты освежительной дремотой
Уж не сомкнешь своих очей;
Слетят на ложе свиденья,
Тебе неизвестные досель,
И долго жаркая постель
Тебе не даст успокоенья.
На камнях розовых твоих
Весна игриво засветлела,

И ярко-зелен мох на пнях,
И птичка весело запела,
И по гранитному одру
Светло бежит ручей серебристый,
И лес прохладою душистой
С востока веет поутру;
Там за горою дол таится,
Уже цветы пестреют там;
Уже черемух фимиама
Там в чистом воздухе струится,—
Своею негою страшна
Тебе волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
От сна восстанавливай, с крыльца
К прохладе утренней лица
Не обращай, и в дол прекрасный
Не приходи, а сверх всего —
Беги гусара твоего!

Уже пустыня спом объята;
Встал ясный месяц над горой,
Сливая свет багряный свой
С последним пурпуром заката;
Двойная, трепетная тень
От черных сосен возлегает,
И ночь прозрачная смеяет
Погасший неприметно день.
Уж поздно. Дела молодая,
Жарка лапитами, встает
И молча, глаз не подымал,
В свой угол медленно идет.

Была беспечна, весела
Когда-то добренькая Эда;
Одною Эдой и жила
Когда-то девичья беседа;
Она приветно и светло
Когда-то всем глядела в очи,—
Что ж изменить ее могло?

Что ж это утро облекло,
И так внезапно, в сумрак ночи?
Она рассеянна, грустна;
В беседах вовсе не слышна;
Как прежде, ясного привета
Ни для кого во взорах нет;
Вопросы долго ждут ответа,
И часто странный сей ответ;
То жарки щеки, то бесцветны,
И, тайной горести плоды,
Нередко свежие следы
Горячих слез на них заметны.

Бывало, слишком зашалят
Неосторожный постоялец,—
Она к устам приставит палец,
Ему с улыбкой им грозит.
Когда же ей он подарит
Какой-нибудь наряд дешевый,
Финляндка дивной ей обновой
Похвастать к матери бежит,
Меж тем его благодарит
Веселым киниксом. Шаловливо
На друга сонного порою
Плеснет холодною водой
И убегает торопливо,
И долго слышен громкий смех.
Ее трудов, ее утех
Всегда в товарищи малюткой
Бывал он призван с милой шуткой.
Взойдет ли утро, ночи ль тень
На усыпленные холмы ляжет,
Ему красотка «добрый день»
И «добру ночь» приветно скажет.

Где время то? При нем она
Какой-то робостию ныне
В своих движениях смущена;
Веселых шуток и в помине
Уж нет; пезначащих речей
С ним даже дева не заводит,
Как будто стал он недруг ей;

Зато порой с его очей
Очей задумчивых не сводит,
Зато порой наедине
К груди гусара вся в огне
Бедняжка грудью принадеет,
И, страсти гибельной полна,
Сама уста свои она
К его лобзаньям обращает;
А в ночь бессонную, одна,
Одна с раскаяньем папрасным,
Сама возневишем ужасным
Души своей устрешена,
Уныло шепчет: «Что со мною?»
Мне с каждым днем грустней, грустней;
Ах, где ты, мир души моей!
Куда пойду я за тобою!»
И слезы детские у ней
Неволью льются из очей.

Она была не без надзора.
Отец ее, крутой старик,
Отчасти в сердце к ней пропик.
Он подозрительного взора
С несчастной девы не сводил;
За нею следом он бродил,
И подсмотрел ли что такое,
Но только молодой шалун
Раз видел, слышал, как ворчун
Взад и вперед в своем покое
Ходил сердито; как потом
Ударил сильно кулаком
Он по столу и Эде бедной,
Пред ним трепещущей и бледной,
Сказал решительно: «Поверь,
Несдобровать тебе с гусаром!
Вы за углами с ним педаром
Всегда встречаетесь. Теперь
Ты рада слушать негодя.
Худому выучит. Бсда
Падет на дуру. Мне тогда
Забота будет небольшая:
Кто мой обычаи пи порочь,

А потаскушка мне не дочь». —
Тихонько слезы отирая
У грустной Эды: «Что ворчать? —
Сказала с кротостию мать. —
У нас смиренная такая
До сей поры была она.
И в чем теперь ее вина?
Грешнись, бедняжку обижая».
«Да, — молвил он, — ласкай се,
А я сказал уже свое».

День после, в комнатке своей,
Уже вечернею порою,
Одна, с привычною тоскою,
Сидела Эда. Перед ней
Святая Библия лежала.
На длань склоненная челом,
Она рассеянным перстом
Рассеянно перебирала
Ее измятые листы
И в дни сердечной чистоты
Невольной думой улетала.
Взошел он с пасмурным лицом,
В молчаньи сел, в молчаньи руки
Сжал на груди своей крестом;
Приметы скрытой, тяжелой муки
В нем все являло. Наконец:
«Долг от меня, — сказал хитрец, —
С тобою требует разлуки.
Теперь услышать милый глас,
Увидеть милые мне очи
Я прихожу в последний раз;
Покроет землю сумрак ночи
И навсегда разлучит нас.
Виною твой отец суровый,
Его укоры слышал я;
Нет, нет, тебе любовь моя
Не нанесет печали новой!
Прости!» Чуть дышуща, бледна,
Гусара слушала она.
«Что говоришь? Возможно ль? Пыне?
И навсегда, любезный мой!..»

«Бегу отселе; но душой
Останусь в милой мне пустыне.
С тобою видеть я любил
Потоки те же, те же горы;
К тому же небу возводил
С небесной радостью взоры;
С тобой в разлуке свету дня
Уже не радовать меня!
Я волю дал любви несчастной
И погубил, доверясь ей,
За миг летящий, миг прекрасный
Всею красоту грядущих дней.
Но слушай! Срок остался краткой:
Пугался ревнивых глаз,
Везде преследующих нас,
Доселе мельком и украдкой
Видались мы; моей мольбой
Не оскорбись. На расставанье
Позволь, позволь иметь с тобою
Мне безмятежное свиданье!
Лишь мраки ночи низойдут
И сном глубоким до денницы
Отяжелелые зеницы
Твои домашние сомкнут,
Приду я к тихому приюту
Моей любезной, — о, покинь
Девичий страх и на минуту
Затвор досадный отодвинь!
Прильну в безмолвии печальном
К твоим устам, о жизнь моя,
И в лобызании прощальном
Тебе оставлю душу я».

Прискорбно дева поглядела
На обольстителя; не смела,
Сама не зная почему,
Она довериться ему:
Бедою что-то ей грозило;
Какой-то страх в нее проник;
Ей смутно сердце говорило,
Что не был прост его язык.
Свята я книга, как сначала,

Еще лежавшая пред ней,
Ей долг ее напоминала.
Ко груди трепетной своей
Прижав ее: «Нет, нет,— сказала,—
Зачем со злобою такой
Играть моею простотою?
Иль мало было преступлений?
Еще ль, еще ль охотный слух
Склоню на голос искушений?
Оставь меня, лукавый дух!
Оставь, без новых угрызений».

Но вправду враг ему едва ль
Не помогал,— с такою силой
Излил он ропот свой, печаль
Столь горько выразил, что жаль
Гусара стало деве милой;
И слезы падали у ней
В тяжелых каплях из очей.
И в то же время то моленья,
То пени расточал хитрец.
«Что медлишь? Дороги мгновенья! —
К ней приступил он наконец. —
Дай слово!» — «Всей душой тоскуя,
Какое слово дать могу я,—
Сказала,— сжался падо мной!
Владею ль я сама собой!
И что я знаю!» Пылко, живо
Тут к сердцу он ее прижал.
«Я буду, жди меня!» — сказал.
Сказал и скрылся торопливо.

Уже и холмы и поля
Покрывают мраками густыми.
Смиранный ужин разделя
С неприхотливыми родными,
Вошла девица в угол свой;
На дверь задумчиво взглянула:
«Поверь, опасен гость почной!» —
Ей совесть робкая шепнула,
И дверь ее заложена.

В бумажки мягкие она
Златые кудри завернула,
Снять поспешила как-нибудь
Для одевания пеловки,
Тяжелодышащую грудь
Освободила от шнуровки,
Легла и думала заснуть.
Уж поздно, полночь; но ресницы
Сон не смыкаст у девицы:
«Стучаться будет он теперь.
Зачем задвинула я дверь?
Я своенравна в самом деле.
Пушу его, — ведь миг со мной
Пробудет здесь любезный мой,
Потом навек уйдет отсюда».
Так мигит уж девица, и вот
С одра тихохонько встает,
Ко двери с трепетом подходит
И вот задвижки роковой
Уже касается рукой;
Вот руку медленно отводит,
Вот приближает руку вновь;
Железо двинулось — вся кровь
Застыла в девушке несчастной,
И сердце сжала ей тоска.
Тогда же чуждая рука
Дверь пошатнула: «Друг прекрасный,
Не бойся, Эда, это я!»
И, от смятенья дух тая,
Полна неведомого жара,
Девица бедная моя
Уже в объятиях гусара.

Увы! досталась в эту ночь
Ему желанная победа:
Чувств упоенных перевозмочь
Ты не могла, бедняжка Эда!
Заря багрянит свод небес.
Восторг обманчивый исчез;
С ним улетел и призрак счастья;
Открылась бездна нищеты,

Слезами скорби платишь ты
Уже за слезы сладострастья!
Стыдись пылающего дия,
На крае ложа рокового
Сидишь ты, голову склоня.
Взгляни на друга молодого!
Внимай ему: нет, нет, с тобой
Он не снесет разлуки злой;
Тебе все дни его и ночи;
Отец его не устрашит,
Он подозренья усыпит,
Обманет бдительные очи;
Твой будет он, куда жив...
Напрасно все; она не внемлет,
Очей на друга не подымлет,
Уста безмолвные раскрыл,
Потупя в землю взор незрящий;
Ей то же друга разговор,
Что ветер, бессмысленно свистящий
Среди ущелин финских гор.

Недолго, дева красоты,
Предателя чуждалась ты,
Томяся грустью безотрадной!
Ты уступила сердцу вновь:
Простила нежная любовь
Любви коварной и нещадной.

Идет поспешно день за днем.
Гусару дева молодая
Уже покорствуется во всем.
За ним она, как лань ручная,
Повсюду ходит. То четой
Принимлет их в полдневный зной
Густая сень дубровы сонной,
То зазовет дремучий бор,
То приглашают гроты гор
В свой сумрак неги благосклонной;
Но чаще сходятся они .

В долу соседственном, глубоком.
В густой рябиновой сени
Над быстро льющимся потоком
Они садятся на траву.
Порой любовник в томной лени
Послушной деве на колени
Кладет беспечную главу
И легким сном глаза смыкает.
Дух пританц, она внимает
Дыханью друга своего;
Древесной веткой отвечает
Докучных мошек от него;
Его волнистыми власами
Играет детскими перстами.
Когда ж подымется луна
И дикий край под ней задремлет,
В приют укромный свой она
К себе на одр его приемлет.

Но дева нежная моя
Томится тайною тоскою.
Раз обыкновеню * парю
У под любимого ручья
Они сидели молчаливо.
Любовник в тихом забытьи
Глядел на светлые струи,
Пред ним бегущие игриво.
Дорогой сорванный цветок
Он как-то бросил в быстрый ток.
Вздохнула дева молодая,
На друга голову склоня.
«Так, — прошептала, — и меня,
Миг полежя, поласкал,
Так на погибель бросишь ты!»
Уста незлобной красоты
Улыбкой милой улыбнулись,
Но скорбь взяла-таки свое,
И на ресницах у нее
Неkoľно слезы павернулись.
Она косыпкою своею
Их отерла и, веселей

Глядеть стараясь на друга:
«Прости! Безумная тоска!
Сегодня жизнь моя сладка,
Сегодня я твоя подруга,
И завтра будешь ты со мной,
И день еще, и, стать может,
Я до разлуки роковой
Не доживу, господь поможет!»

Невинной нежностью не раз
Она любовника смущала
И сожаленье в нем подчас
И угрызенье пробуждала;
Но чаще, чаще он скучал
Ее любовь тоскливой
И миг разлуки призывал
Уж как свободы миг счастливый.
Не тщетно!

Буйный швед опять
Не соблюдает договор,
Вновь хочет с русским испытать
Неравный жребий брачных ссор.
Уж переходят за Кюмень *
Передовые ополчения, —
Война, война! Грядущий день —
День рокового разлученья.

Нет слез у девы молодой.
Мертва лицом, мертва душой,
На суету походных сборов
Глядит она: всему конец!
На ней встревоженный хитрец
Остановить не смеет взоров.
Сгустилась ночь. В глубокий сон
Все погрузилось. Унылый,
В последний раз идет он к милой.
Ей утешенья шепчет он,
Ее лобзает он напрасно.
Внимает, чувства лишена;
Дает лобзать себя она,
Но безответно, безучастно!
Мечтанья все бежали прочь.

Они томительную почь
В безмолвной горести проводят.
Уж в путь зовет сиянье дня,
Уже ретивого коня
Младому воню подводят,
Уж он садится. У дверей
Пустынной хижинны своей
Она стоит, мутна очами.
Девуца беднал, прости!
Уж по далекому пути
Он поскакал. Уж за холмами
Не виден он твоим очам...
Согнув колена, к небесам
Она сперва воздела руки,
За ним простерла их потом
И в прах поверглася лицом
С глухим стеланьем смертной муки.

Сковал потоки зимний хлад,
И над стремнинами своими
С гранитных гор уже висят
Они горами ледяными.
Из-под одежды снеговой
Кой-где вставая головами,
Скалы чернеют за скалами.
Во мгле волнистой и седой
Исчезло небо. Зашумели,
Завыли зимние метели.
Что с бедной девуцей моей?
Потух огонь ее очей;
В ней Эды прежней нет и тепи,
Изнемогает в цвете дней;
Но чужды слезы ей и пени.
Как небо зимнее, бледна,
В молчаньи грусти безнадежной
Сидит недвижно у окна.
Сидит, и бури вой мятежный
Уныло слушает она,
Мечтая: «Нет со мною друга;
Ты мне постыл, печальный свет!
Конца дождусь ли я иль нет?»

Когда, когда сметишь ты, вьюга,
С лица земли мой легкий след?
Когда, когда на сон глубокий
Мне даст могила свой приют
И на нее сугроб высокий,
Бушуя, ветры нанесут?»

Кладбище есть. Теснятся там
К холмам холмы, кресты к крестам,
Однообразные для взгляда;
Их (меж кустами чуть видна,
Из круглых камней сложена)
Обходит низкая ограда.
Лежит уже давно за ней
Могила девицы моей.
И кто теперь ее отыщет,
Кто с нежной грустью навестит?
Кругом все пусто, все молчит;
Порою только ветер свищет
И можжевельник шевелит.

Эпilog

Ты покоришься, край грапитный,
России мочь изведаль ты
И не столкнешь ее пяты,
Хоть дышишь к ней враждою скрытной!
Срок плена вечного настал,
Но слава падшему народу!
Бесстрашно он оборонял
Угрюмых скал своих свободу.
Из-за утесистых громад
На нас летел свинцовый град;
Вкусить не смела краткой неги
Рать, утомленная от рап:
Нож иступленный поселял
Окровавляя се ночлеги!
И все напрасно! Чудный хлад
Сковал Ботанические воды²;
Каким был ужасом объят

Пучины бог седобрадат *,
Как изумилися народы,
Когда хребет его ледяной,
Звезда под русскими полками,
Явил внезапную стеной
Их перед шведскими брегами!
И как Стокгольм оцепенел,
Когда над ним, шумя крылами,
Орел наш грозный возлетел!
Он в нем узнал орла Полтавы!
Все покорилося. Но не мне,
Певцу, не знающему славы,
Петь славу храбрых на войне.
Питомец муз, питомец боя,
Тебе, Давыдов *, петь се.
Венком певца, венком героя
Чело украсило твое.
Ты видел финские граниты,
Бесстрашных кровию омыты;
По ним водил ты их строй.
Ударь же в струны позабыты
И вспомни подвиги твои!

1824

ПИРЫ

Друзья мои! я видел свет,
На все взглянул я верным оком.
Душа полпа была сует,
И долго плыл я общим током...
Безумству долг мой заплачен,
Мне что-то взоры прояснило;
Но, как премудрый Соломон *,
Я не скажу: всё в мире сон!
Не все мне в мире изменило:
Бывал обманут сердцем я,
Бывал обманут я рассудком,
Но никогда еще, друзья,
Обманут не был я желудком.

Признаться каждый должен в том,
Любовник, иль поэт, иль воин, —
Лишь беззаботный гастроном
Названья мудрого достоин.
Хвала и честь его уму!
Дарами пухлыми ему
Земля усеяна роскошно.
Пускай герою моему,
Пускай, друзья, порою тошно,
Зато не грустно: горя чужд
Среди песелостей вседневных,
Не знает он душевных пужд,
Не знает он и мук душевных.
Трудясь над смесью рифм и слов,
Поэты наши чуть не плачут;
Своих почтительных рабов

Порой красавицы дурачат;
Иной храбрец, в отцовский дом
Являсь уродом с поля славы,
Подозревал себя глупцом;
О бог стола, о добрый Ком *,
В твоих утехах нет отравы!
Прекрасно лирою своей
Добиться памяти людей;
Служить любви еще прекрасней,
Приятно драться; но, сй-ей,
Друзья, обедать безопасней!

Как не любить родной Москвы!
Но в ней не град первопрестольный,
Не золоченые главы,
Не гул потехи колокольной,
Не сплетни вестницы-молвы
Мой ум пленили своевольный.
Я в ней люблю весельчаков,
Люблю роскошное довольство
Их продолжительных пиров,
Богатой знати хлебосольство
И дарованья поваров.
Там прямо веселы беседы;
Вполне уважен хлебосол;
Вполне торжественны обеды;
Вполне богат и лаком стол.
Уж он покрыт, уж он рядами
Несчетных блюд отягощен
И беззаботными гостями
С благоговеньем окружен.
Еще не сели; всё в молчанье;
И каждый гость вблизи стола
С веселой ясностью чела
Стоит в роскошном ожиданье,
И сквозь прозрачный, легкий пар
Сняют лакомые блюда,
Златых плодов, десерта груды...
Зачем удел мой слабый дар!

Но так весной ряды курганов
При пробужденных небесах

Сияют в пурпурных лучах
Под дымом утренних туманов.
Садятся гости. Граф и князь —
В застольном деле все удалы,
И осушают, не ленясь,
Свои широкие бокалы;
Они веселье в сердце льют,
Они смягчают злые толки;
Друзья мои, где гости пьют,
Там речи вздорны, но не колки.
И начались чудеса:
Смешались быстро голоса;
Собрание глухо зашумело;
Своих собак, своих друзей,
Певцов, героев хвалят смело;
Вино разнежило гостей
И даже ум их разогрело.
Тут всё торжественно встает,
И каждый гость, как муж толковый,
Узнать в гостиную идет,
Чему смеялся он в столовой.

Меж тем одним ли богачам
Доступны праздничные чаши?
Немудрены пирушки наши,
Но не уступят их пирам.
В углу безвестном Петрограда,
В тени деревьев, во мраке сада,
Тот домик помните ль, друзья,
Где наша верная семья,
Оставя скуку за порогом,
Соединялась в шумный круг
И без чипов с румяным богом
Делила радостный досуг?
Вино лилось, вино сверкало;
Сверкали блески острых слов,
И веки сердце проживало
В немного пламенных часов.
Стол покрывала ткань простая;
Не восхищались на нем
Мы ни фарфорами Китая,
Ни драгоценным хрусталем;

И между тем сынам веселья
В стекло простое бог похмелья
Лил через край, друзья мои,
Свое любимое Ан *.
Его звездающаяся влага
Недаром взоры веселит:
В ней укрывается отвага,
Она свободою кипит,
Как пылкий ум, не тернит плена,
Рвет пробку резвою волной,
И брызжет радостная пена,
Подобье жизни молодой.
Мы в ней заботы потопляли
И средь восторженных затей
«Певцы пируют! — восклицали, —
Слепая чернь, благоговеи!»

Любви слепой, любви безумной
Тоску в душе моей тая,
Насилу, милые друзья,
Делить восторг беседы шумной
Тогда осмеливался я.
«Что потакать мечте унылой, —
Кричали вы. — Смелее пей!
Развеселись, товарищ милый,
Для нас живи, забудь о ней!»
Вздыхнув, расселенно послушный,
Я пил с улыбкой равнодушной:
Светлела мрачная мечта,
Толпой скрывались печали,
И задрожавшие уста
«Бог с пей!» невнятно лепетали.

И где ж изменница-любовь?
Ах, в пей и грусть — очарованье!
Я испытать желал бы вновь
Ее знакомое страданье!
И где ж вы, резвые друзья,
Вы, кем жила душа моя!
Разлучены судьбою строгой, —
И каждый с ропотом вздохнул,
И брату руку протянул,

И вдаль побрел своей дорогой;
И каждый в горести немой,
Быть может, праздною мечтой
Теперь бывшее пролетает
Или за трапезой чужой
Свои пиры вспоминает.

О, если б, теплою мольбой
Обезоружив гнев судьбины,
Перенестись от скал чужбины
Мне можно было в край родной!
(Мечтать позволено поэту.)
У вод домашнего ручья
Друзей, разбросанных по свету,
Соединил бы снова я.
Дубравой темной осенней,
Родной отцам моих отцов,
Мой дом, свидетель двух веков,
Поникнул кровлею смиренной.
За много лет до наших дней
Там в чаши чашами стучали,
Любили пламенно друзей
И с ними шумно пировали...
Мы, те же сердцем в век иной,
Сберемтесь дружеской толпой
Под мирный кров домашней сени:
Ты, верный мне, ты, Дельвиг мой,
Мой брат по музам и по лепи,
Ты, Пушкин наш, кому дано
Петь и героев, и вино,
И страсти молодости пылкой,
Дано с проказливым умом
Быть сердца верным златоком
И лучшим гостем за бутылкой.
Вы все, делившие со мной
И наслажденья и мечтания,
О, поспешите в домик мой
На сладкий пир, на пир свиданья!

Слепой владычицей сует
От колыбели позабытый,
Чем угостит анахорет * ,

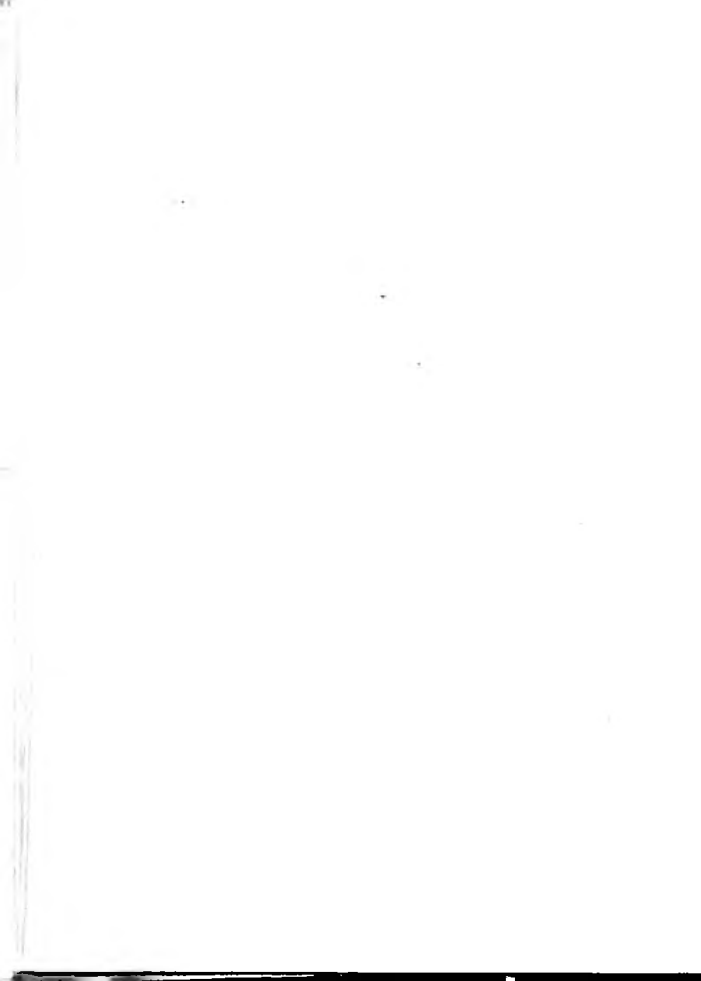
В смиренной хижине укрытый?
Его пустынный обед
Не будет лакомый, но сытый.
Веселый будет ли, друзья?
Со дня разлуки, знаю я,
И дни и годы пролетели,
И разгадать у бытия
Мы много тайного успели;
Что ни ласкало в старину,
Что прежде сердцем ни владело —
Подобно утреннему сну,
Все изменило, улетело!
Увы! на память нам придут
Те песни за веселой чашей,
Что на Парнасе берегут
Преданья молодости нашей,—
Собрание пламенных замет
Богатой жизни юных лет;
Плоды счастливого забвенья,
Где воплотить умел поэт
Свои живые сновиденья...
Не обрести замены им!
Чему же веру мы дадим?
Пирам! В безжизненные лета
Душа остывшая согрета
Их утешением живым.
Пусть навеки исчезла младость —
Пируйте, други: стуком чаш
Авось приманенная радость
Еще заглянет в угол наш.

1820

ПРИМЕЧАНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ФИНЛЯНДИЯ

(Стр. 17)

Зерцало (церк.-слав.) — зеркало.

Отечество Одиновых детей. — *Один* (Одён) в скандинавской мифологии верховный бог и в то же время бог войны и победы. Баратынский, как и многие его современники, смешивал скандинавскую мифологию с финской. На самом деле для этого нет оснований.

Скальд — древнескандинавский поэт-певец.

К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

(Стр. 20)

Адресовано поэту-декабристу Вильгельму Карловичу *Кюхельбекеру* (1779—1846). Написано в связи с отъездом в Финляндию.

В отчизне бранного Одёна... — см. объяснение к стихотв. «Финляндия».

КОНШИНУ

(Стр. 21)

Обращено к поэту Николаю Михайловичу *Коншину* (1794—1865), ротному командиру в Нейшлотском полку, где в то время служил Баратынский.

ОТЪЕЗД

(Стр. 22)

Написано в связи с отъездом из Финляндии в Петербург в декабре 1820 г.

УНЫНИЕ

(Стр. 23)

Вакх — в римской мифологии бог виноделия, вина и веселья.

РОДИНА
(Стр. 23)

Орѣтай (устар.) — пахарь.

Нѣстун (устар.) — наставник.

Богиня пажитей. — Имеется в виду *Церѣра* — в римской мифологии богиня земледелия. Противопоставляя ее *Фортуне* — богине судьбы, поэт намекает на присущую последней случайность в распределении своих даров.

Цевнийца — употреблявшийся в древности струнный инструмент, многоствольная свирель; считалась одним из символов поэта.

РАЗУВЕРЕНИЕ
(Стр. 25)

Стихотворение приобрело большую популярность, особенно благодаря романсу, написанному М. И. Глиной. Одной из лучших исполнительниц этого романса была вучатая племянница Баратынского народная артистка СССР Надежда Андреевна Обухова.

ДОВРЫЙ СОВЕТ
(К Коншину)
(Стр. 26)

Коншин Н. М. — см. прим. на стр. 111.

Лѣта — в греческой мифологии река забвения, текущая в подземном царстве.

Молдаванка — здесь: шапочка.

Анагорѣт (греч.) — отшельник.

РИМ
(Стр. 27)

Стихотворение является отражением распространенного в декабристских кругах и разделявшегося Баратынским интереса к истории древнего республиканского Рима.

ВОДОПАД
(Стр. 27)

Поводом к созданию этого стихотворения послужило совместное с Н. М. Коншиным посещение водопада Иматра.

Аквилон (рим. миф.) — северо-западный или северо-восточный ветер.

ДЕЛЬВИГУ
(Стр. 28)

Посвящено одному из ближайших друзей Баратынского поэту Антону Антоновичу *Дельвигу* (1798—1830).

Обёт — обязательство, обещание.

ЭПИЛОГ
(Стр. 30)

Пёни — жалобы, упрёки.

Геликóн — гора в Греции, посвященная Аполлону и музам.

ИСТИНА
(Стр. 31)

Дóльный, дольный (устар.) — земной.

ПРИЗНАНИЕ
(Стр. 33)

Прочитав эту элегию, впервые напечатанную в альманахе «Полярная звезда» на 1824 г., Пушкин писал А. А. Бестужеву: «Баратынский — прелесть и чудо. *Признание* — совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий...»

ЗВЕЗДА
(Стр. 37)

Очёс (церк.-слав.) — очей.

«ОТЧИЗНЫ ВРАГ, СЛУГА ЦАРЯ...»
(Стр. 38)

Эпиграмма направлена против царского любимца, графа Алексея Андреевича *Аракчеева* (1769—1834), пользовавшегося неограниченной властью при Александре I. Система полицейского деспотизма и жестокие порядки, насаждавшиеся в армии Аракчеевым, получили название «аракчеевщины». До

Баратынского с обличениями Аракчеева выступали А. С. Пушкин (эпиграммы) и К. Ф. Рылев (сатира «К временщику»).

НАДПИСЬ

(Стр. 39)

В XVIII — первой трети XIX в. были распространены стихотворные надписи к портрету. Обычно, однако, этот поэтический жанр не связывался с каким-либо реальным портретом, по служил поводом для афористической характеристики определенного лица. Кого имеет в виду Баратынский в данном стихотворении, не установлено. Существует предположение, что в нем дан обобщенный образ поэта-романтика.

ДОРОГА ЖИЗНИ

(Стр. 40)

Годы почтовые. — Годы жизни здесь уподобляются почтовым лошадям, то есть казенным лошадям, на которых ездили во времена Баратынского и которых меняли на почтовых станциях.

Корчма — постоялый двор, почтовая станция.

Прогоны — деньги, взимаемые за почтовых лошадей в зависимости от расстояния пути.

Д. ДАВЫДОВУ

(Стр. 41)

Посвящено поэту и партизану Отечественной войны 1812 г. Денису Васильевичу *Давыдову* (1784—1839). Во время отбывания Баратынским солдатчины Давыдов, пользуясь своими связями в высших военных кругах, принимал деятельное участие в хлопотах об его производстве в офицеры. Приятельские отношения между Давыдовым и Баратынским, по-видимому, установились по приезду последнего из Финляндии в Москву осенью 1825 года.

В народе славной бородой... — В 1812 г., чтобы не отличаться от крестьян-партизан, Давыдов отпустил себе бороду.

ЭПИГРАММА
(«Что ни болтай, а я великий муж...»)
(Стр. 41)

Направлена против реакционного и беспринципного журналиста Фаддея Венедиктовича *Булгарина* (1777—1859).

Высоко оценивая эпиграммы Баратынского, Пушкин писал: «...в эпиграмме Баратынского сатирическая мысль принимает оборот то сказочный, то драматический...» Настоящая эпиграмма подтверждает наблюдение поэта: она построена как диалог между Булгариным и самим автором.

Был воином...— В войнах России с Наполеоном (1805—1814 гг.) состоял сначала в русских войсках, а в 1810 году перешел к французам.

Судебную бумагу вам начерню, перебелю...— Намек на то, что Булгарин вел судебный процесс своего дяди.

ОНА
(Стр. 42)

По-видимому, относится к Анастасии Львовне *Энгельгардт* (1804—1860), на которой в 1826 г. женился Баратынский.

К ***
(Стр. 42)

Адресат стихотворения в точности не установлен. Наиболее вероятно предположение, что им является польский поэт Адам *Мицкевич* (1798—1855), с которым Баратынский встречался в 1826—1829 гг. в Москве. Под «едкими осуждениями», по-видимому, подразумеваются отрицательные суждения о стихах Мицкевича в тогдашней польской печати.

Камёна — в римской мифологии камнями пазывались музы.

Пегас — в греческой мифологии крылатый конь, символ поэтического вдохновения.

ПОСЛЕДНЯЯ СМЕРТЬ
(Стр. 43)

Об этом стихотворении см. в предисловии стр. 12.
Отрывок из незавершенной поэмы.

Весь (славянск.) — здесь: селение.

Крих (церк.-слав.) — крыльев.

Эмпирей — в греческой мифологии высшая часть неба, обиталище богов.

СТАНСЫ

(Стр. 47)

Написано по случаю посещения родового поместья Баратынских Мара, Кирсановского уезда, Тамбовской губернии, летом 1827 г.

Я братьев знал... — Имеются в виду декабристы В. К. Кюхельбекер, А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев, то есть братья по духу.

С младенцем тихим... — Подразумевается старшая дочь поэта Александра Евгеньевна Баратынская (1827—1874).

СМЕРТЬ

(Стр. 48)

Согласье прям его лия... — примиряя распри, раздоры.

Прям — рѣспрям, дательный падеж множественного числа древнерусского слова «пря».

Лия — проливая.

СТАРИК

(Стр. 49)

Лель — в славянской мифологии покровитель любви и брака.

«НЕ ПОДРАЖАЙ: СВОЕОБРАЗЕН ГЕНИЙ...»

(Стр. 50)

Посвящено польскому поэту Адаму Мицкевичу и написано в связи с выходом в свет в феврале 1828 г. его поэмы «Конрад Валленрод», в которой современники усматривали влияние Байрона.

Дорѣт — Жан Дорѣ (1506—1588), французский поэт, современник Шекспира, славившийся своей эрудицией.

С Израилем певцу один закон... — намек на одну из древнееврейских заповедей: «Не сотвори себе кумира...»

БЕСЕНОК

(Стр. 51)

Громобой — персонаж баллады В. А. Жуковского «Громобой» (1810).

ПОДРАЖАТЕЛЯМ

(Стр. 52)

Баратынский, всегда стремившийся к творческой оригинальности, неоднократно выступал против подражательности в поэзии. (См. стихотв. «Не подражай: своеобразен гений...» и примечания к нему.)

Стихотворение «Подражателям» направлено против многочисленных второстепенных поэтов-элегиков 20-х годов.

Душесутильный — эпитет, производный от выражения «мутить душу», то есть тревожить душу.

ЭПИГРАММА

(«Поверьте мне, — Фиглярин-моралист...»)

(Стр. 53)

Эпиграмма направлена против Ф. В. Булгарина (см. прим. к эпиграмме «Что ни болтай, а я великий муж...», на стр. 115) и высмеивает его склонность к нравоучениям в печати. Крайне низкая нравственная репутация самого Булгарина — предателя, агента III отделения, накладывала на его моралистические рассуждения отпечаток фальши и лицемерия.

Фиглярин — прозвище, под которым в литературных кругах был известен Булгарин (от слова «фигляр», то есть шут).

«В ДНИ БЕЗГРАНИЧНЫХ УВЛЕЧЕНИЙ...»

(Стр. 54)

Алкал (устар.) — жаждал.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

(Стр. 55)

Посвящено поэту Николаю Михайловичу Языкову (1803—1846), с которым Баратынский познакомился в конце 20-х го-

дов. В одном из писем к И. В. Киреевскому Баратынский восхищается «цветущей музой» Языкова.

«ГДЕ СЛАДКИИ ШЕПОТ...»

(Стр. 56)

К ней. — Имеется в виду А. Л. Баратынская, жена поэта.

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ

(Стр. 57)

Великий немецкий поэт Иоганн-Вольфганг Гёте умер 22 марта 1832 г.

Зане́ (церк.-слав.) — ибо, потому что.

«НАСЛАЖДАЙТЕСЬ: ВСЕ ПРОХОДИТ!..»

(Стр. 58)

Одина́кие криле́ (церк.-слав.) — одинаковые крылья.

«ЕСТЬ МИЛАЯ СТРАНА, ЕСТЬ УГОЛ НА ЗЕМЛЕ...»

(Стр. 60)

Стихотворение посвящено описанию подмосковной усадьбы Мураново, принадлежавшей семье генерал-майора Л. Н. Энгельгардта, на дочери которого был женат Баратынский. Во второй половине 30-х годов, особенно после смерти тестя (1836), Мураново на несколько лет стало основным местопребыванием поэта. В 1841—1842 гг. Баратынский построил в Муранове новый дом, сохранившийся до нашего времени. Впоследствии Мураново перешло во владение Тютчевых. Ныне в Муранове находится музей, знакомящий с жизнью и творчеством двух замечательных представителей русской поэзии XIX в. — Баратынского и Тютчева.

Арми́да — героиня поэмы итальянского поэта Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», обладательница волшебных садов; имя Армиды стало синонимом обольстительной красавицы.

Она — Наталья Львовна Энгельгардт (1806—1826), свояченица (сестра жены) поэта, умершая от чахотки.

Почий (устар.) — спи, почивай.

«О, ВЕРЬ: ТЫ, ПЕЖНАЯ, ДОРОЖЕ СЛАВЫ МНЕ...»

(Стр. 62)

Обращено к жене, А. Д. Баратынской.

ЗАПУСТЕНИЕ

(Стр. 63)

Стихотворение повелено посещением осенью 1833 г. родового поместья Мара, в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии, где поэт провел детские годы.

Каскада — водопад.

Элизей (Элизий) — в римской мифологии местопребывание блаженных теней; в данном случае место воспоминаний.

Тот не был мыслию, тот не был сердцем гласен... — Понимается отец поэта, генерал-лейтенант Абрам Андреевич Баратынский (1767—1810).

Далекая могила... — А. А. Баратынский умер в Москве, где и похоронен.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ

(Стр. 66)

Общий философский смысл стихотворения раскрывается в предисловии, стр. 13.

Вновь Эллада ожила... — В 1830 г. многолетняя национально-освободительная борьба греческого народа против турецкого ига завершилась образованием независимого от Турции греческого государства.

Омир — Гомер, легендарный древнегреческий поэт.

Парнас — священная гора в Греции; согласно греческой мифологии, местопребывание Аполлона и муз.

Кастальский ключ — священный источник в Дельфах близ храма Аполлона, символ поэтического вдохновения.

И науки, и м ослушной... — то есть противоречащей любви и красоте.

Урания — в греческой мифологии муза астрономии; в то же время одно из прозвищ *Афродиты*, богини любви и красоты.

Эол — в греческой мифологии бог ветров.

Очес — см. объяснение на стр. 113.

Вертеп (устар.) — в данном случае убежище.

Аполлон — в греческой мифологии бог света, жизни и искусств.

Левкад — остров в Греции.

Сафо — знаменитая греческая поэтесса VII—VI вв. до н. э.

Фаон — юноша, из-за безответной любви к которому Сафо, по преданию, бросилась с Левкадской скалы в море.

ОСЕНЬ

(Стр. 68)

Об этом стихотворении см. в предисловии, стр. 13.

По свидетельству Баратынского в письме к П. А. Вяземскому, известие о гибели Пушкина застало его в работе над последними строфами этого стихотворения. Можно полагать, что «громовое впечатление», произведенное на него этой «ужасною вестью», усилило трагическое звучание стихов Баратынского.

Зерцало (слав.) — см. прим. на стр. 111.

Овьи — строение для сушки снопов перед молотью.

Цеп — ручное орудие для молотьи.

Оратай — см. прим. на стр. 112.

Тороватый (устар.) — щедрый.

Брашна — кушанья.

Тризна — поминальное пиршество у древних славян.

Какое же потом в груди твоей... — Строфы 11—13 принадлежат к числу наиболее трудных для понимания. Современник Баратынского критик С. П. Шевырев предложил такое их пояснение: «Мысль, развитая далее и едва ли для всех доступная, есть следующая: чем бы ни кончилось твоё разо-

чарование — совершенным ли охлаждением души или, напротив, высшим ее просветлением, знай, что ты не передашь тайну жизни миру. Ее не может обнять земной звук... Если мы ее сами и понимаем, то понимаем только лично, а передать другим не в состоянии».

Горняк (церк.-слав.) — небесная.

Пошлый глас, вещатель общих дум... — Содержат ли эти слова намек на какое-либо конкретное лицо, до сих пор не установлено.

Звезда небес в бездонность утечет... — В литературе о Баратынском было высказано предположение, что в этих стихах подразумевается смерть Пушкина, ибо образ падающей с небосвода звезды в русской романтической поэзии 20-х годов был символом гибели поэта. Стихи, в которых говорится о безучастии «толпы» к «глаголу», который не является «вещателем общих дум», и к «падению» звезды, сближаются со следующими строками из письма Баратынского к Вяземскому от 5 февраля 1837 г.: «Есть люди в Москве, узавшие об общественном бедствии с отвратительным равнодушием, но участвующее пораженное большинство скоро принудит их к пристойному лицемерию».

ПРИМЕТЫ

(Стр. 74)

Об этом стихотворении см. в предисловии, стр. 12—13.

Юдобльный (устар.) — эпитет, производный от выражения «юдолю скорби», то есть место страдания.

«НА ЧТО ВЫ, ДНИ!..»

(Стр. 76)

Юдобльный (устар.) — в данном случае: земная жизнь, земное существование.

РИФМА

(Стр. 77)

Игры олимпийские — национальные празднества-соревнования в Древней Греции.

Стόгна — площади, большие улицы.

Музикийский (церк.-слав.) — музыкальный.

Амвои — возвышение, подмостки.

Витил (церк.-слав.) — оратор.

Торжище (устар.) — место торго; в данном случае шире — место общественных сборищ, трибуна.

Форум — в древнем Риме площадь, служившая средоточием общественной жизни города.

Голубь ковчега — намек на библейское сказание о праведном Ное, спасавшемся в ковчеге от всемирного потопа. По окончании наводнения он выпустил голубя, чтобы узнать, сошла ли вода с поверхности земли. Голубь вернулся со свежим масляным листом в клюве, что свидетельствовало о возрождении жизни на земле.

«ПРЕДРАССУДОК! ОН ОБЛОМОК...»

(Стр. 79)

Об этом стихотворении см. в предисловии, стр. 12—13.

НА ПОСЕВ ЛЕСА

(Стр. 79)

Стихотворение связано с разведением леса, которым Баратынский занимался в 1842 г. в окрестностях усадьбы Мураново. (См. прим. к стихотв. «Есть милая страна...», стр. 116.)

Дольный — см. объяснение на стр. 113.

Праг (церк.-слав.) — порог.

Пиит (церк.-слав.) — поэт.

Сокрытый ров. — Намек на круг московских литераторов, с которыми Баратынский разошелся в последние годы жизни и со стороны которых подозревал скрытые против него интриги.

«НЕБО ИТАЛИИ, НЕБО ТОРКВАТА...»

(Стр. 80)

Экспромт, написанный, по-видимому, незадолго до отъезда за границу в 1843 г.

Торквато — Торквато Тассо (1544—1595), великий итальянский поэт.

«КОГДА, ДНТЯ И СТРАСТИ И СОМНЕНЬЯ...»

(Стр. 81)

Посвящено желе поэта А. Л. Баратынской.

ПИРОСКАФ

(Стр. 81)

Написано под впечатлением переезда морем из Франции в Италию весной 1844 г. По прибытии в Неаполь Баратынский писал своему другу и родственнику П. В. Путяте: «В три дня, как на крыльях, перенеслись мы из сложной общественной жизни Европы в роскошно-вегетативную жизнь Италии, — Италии, которую за все ее заслуги должно бы на карте означать особой частью света... Паше трехдневное мореплавание останется мне одним из моих приятнейших воспоминаний. Морская болезнь меня миновала. В досуге здоровья я не сходил с палубы, глядел днем и ночью на волны... На корабле, ночью, я написал несколько стихов, которые, кемного переправив, вам пришлю...»

Пироскаф — пароход.

С детства влекла меня... — Еще во время пребывания в Пажеском корпусе Баратынский мечтал о морской службе. «...Я чувствую, что мне всегда нужно что-либо опасное, что-бы меня занимало, — иначе я скучаю, — писал он матери. — Представьте себе, милая маменька, грозную бурю и меня, стоящего на палубе, как бы повелевающего разъяренному морю, доску между мною и смертью, морских чудовищ, дивящихся чудесному орудью, — произведению человеческого гения, повелевающего стихиями» (подлинник письма на французском языке).

Фетида — в греческой мифологии морская нимфа.

Емлет (церк.-слав.) — изымает, вынимает.

Ливорна — Ливорно, портовый город в Италии.

Элизий — в данном случае земной рай.

ПОЭМЫ

ЭДА

(Стр. 85)

Об этой поэме Баратынского Пушкин писал как о произведении «замечательном оригинальной своею простотою, прелестью рабсказа, живостью красок и очерком характеров, слегка, но мастерски означенных». Особенным достоинством этой «восхитительной повести» Пушкин считал то, «с какою глубиною чувства развита в ней женская любовь».

Впервые «Эда» была полностью напечатана в 1826 г. с подзаголовком: «финляндская повесть». В предисловии Баратынский отмечает, что «долгие годы, проведенные сочинителем в Финляндии, и природа финляндская и нравы ее жителей глубоко напечатлелись в его воображении».

Действие поэмы отнесено к 1807 г., ко времени, предшествовавшему русско-шведской войне 1808—1809 годов. В результате этой войны, по Фридрихсгамскому мирному договору 5 сентября 1809 г., Финляндия, бывшая до того шведской окраиной, была присоединена к России.

Хотя царское правительство утвердило финляндскую конституцию и признало права финляндского сейма, финский народ вплоть до Октябрьской революции подвергался тяжелому национальному угнетению.

Баратынский сопроводил свою поэму «Эпилогом», в котором открыто выразил сочувствие «падшему народу». Пересланный В. К. Кюхельбекеру для альманаха «Мнемозина» (1825 г.), «Эпилог» не был пропущен цензурой. Не попал он и в отдельное издание «Эды» и появился в печати только в 1860 г.

Несмотря на то что «Эпилог» был созвучен отношению русских дворянских революционеров-декабристов к судьбе финского народа, поэма в целом не отвечала, по их мнению, задачам романтической поэзии, так как была лишена гражданственной героики.

Обычайная — обычная.

Уж переходят за Кюмень...— По реке Кюмень проходила граница между русскими и шведскими владениями.

Чудный глад сковал Ботнические воды...— Весной 1809 г. русские войска совершили трудный переход по льду Ботнического залива к берегам Швеции.

Пучины бог... — очевидно, бог морей Нептун.

Давыдов — Д. В. Давыдов был одним из участников русско-шведской войны.

ПИРЫ
(Стр. 103)

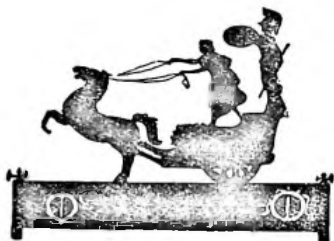
Первая поэма Баратынского, сочетающая в себе жанровые признаки дружеского послания и элегии. Эта особенность поэмы наряду с общим элегическим характером раннего творчества Баратынского дала основание Пушкину назвать его «певцом пиров и грусти томной» («Евгений Онегин», гл. III, строфа XXX).

Соломон — древнеиудейский царь, славившийся своей мудростью.

Ком — в греческой мифологии бог пиршеств.

Ай — одна из марок французского шампанского.

Анахорет — см. прим. на стр. 112.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. В. Питарев. О поэзии Баратынского</i>	5
---	----------

СТИХОТВОРЕНИЯ

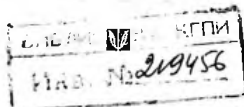
Финляндия	17
Ронот («Он близок, близок день свиданья...»)	19
Разлука	20
К Кюхельбекеру	—
Коншину	21
Отъезд	22
Уныние	23
Родина	—
Элегия	25
Разуверение	—
Добрый совет (К Коншину)	26
Р и м	27
Водопад	—
Дельвигу	28
Поцелуй	29
Догадка	—
Эпиллог («Чувствительны мне дружеские нены...»)	30
Размолвка	—
Безнадежность	31
Истина	—
Признание	33

Череп	35
Любовь	36
Буря	—
Звезда	37
«Отчизны враг, слуга царя...»	38
Веселье и горе	39
Надпись	—
Песня	—
Дорога жизни	40
Д. Давыдову	41
Эпиграмма («Что ни болтай, я я великий муж!..»)	—
Она	42
К *** («Не бойся едких осуждений...»)	—
Эпиграмма («Окогченпал летунья...»)	43
Последняя смерть	—
Стансы («Судьбой наложенные цепи...»)	47
Смерть	48
Старик	49
Деревня	50
«Мой дар убог, и голос мой не громок...»	—
«Не подражай: своеобразен гений...»	—
Бесенок	51
«Чудный град порой сольется...»	52
Подражателю	—
Муза	53
Эпиграмма («Поверьте мне, Фиглярин-моралист...»)	—
«Бывало, отрок, звонким кликом...»	54
«В дни безграничных увлечений...»	—
Н. М. Языкову	55
«Где сладкий шепот...»	56
На смерть Геге	57
«Наслаждайтесь: все проходит!..»	58
«Когда исчезнет омраченье...»	59
«Есть милая страна...»	60
«Болящий дух врачует песнопенье...»	61
«О, верь: ты, нежный, дороже славы мне...»	62
«Весна, весна! как воздух чист!..»	—
Запустение	63
«Я не любил ее, я знал...»	65
Последний поэт	66
Осень	68
«Сначала мысль, воплощенья...»	74

Приметы	74
«Были бури, непогоды...»	75
«Топле тревожный день приветен...»	—
Мудрецу	76
«На что вы, дин! Юдольный мир явленья...»	—
«Все мысль да мысль! Художник бедный слона!...»	77
Рифма	—
«Предраассудок! он обломок...»	79
Ронот («Красного лета отравы...»)	—
На посев леса	—
«Небо Италии, небо Торквата...»	80
«Когда, дитя и страсти и сомненья...»	81
Пироскаф	—

ПОЭМЫ

Эда	85
Пирры	103
Примечания	109

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Евгений Абрамович Баратынский

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Ответственный редактор Н. В. Беллкова. Художественный редактор Н. Э. Левинская. Технический редактор Н. Г. Мокшова. Корректоры Г. В. Русакова и З. С. Ульянова. Подписано к печати с матриц 24/X 1975 г. Формат 84×108¹/₂. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 5,65. Тираж 150 000 экз. Заказ № 1845. Цена 28 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росгланполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вад., 49.